Экономическая стратификация: об определении границ доходных групп*

Василий Аникин
Кандидат экономических наук, PhD, доцент, старший научный сотрудник
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
Старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000
E-mail: vanikin@hse.ru

Юлия Лежнина
Кандидат социологических наук, старший научный сотрудник
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
Старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000
E-mail: jlezhnina@hse.ru

Статья представляет собой обзор зарубежных и российских источников, затрагивающих проблему доходной стратификации, и систематизацию существующих подходов. Ее актуальность обуславливается отсутствием обзорных работ, в которых бы обобщался накопленный опыт исследований в области одномерной стратификации по доходу, несмотря на то что и отечественные ученые, и их зарубежные коллеги активно используют одномерные классификации индивидов, основанные на шкале доходов в социально-экономических исследованиях. В работе рассмотрены и систематизированы результаты исследований, выполненных как в духе абсолютного, так и относительного подхода к выделению групп на основе доходного распределения. Ни в зарубежной, ни в российской традиции до сих пор не сложилось единого понимания того, как должна выглядеть шкала доходов при построении модели доходной стратификации в странах с индустриально развитой экономикой. Это связано во многом с тем, что исследователей, работающих со шкалами доходов, как правило, интересуют конкретные социальные группы (бедные, средний класс, верхние слои общества), а не общество в целом и его структура; более того, ученые по-разному понимают доходные границы этих групп. Вместе с тем показано, что работы социологической направленности отдают предпочтение относительному подходу (особенно в такой его версии, как медианный подход). По отдельным «порогам» на шкале доходов в рамках этого подхода достигнут даже хрупкий консенсус. Относительное единодушие касается прежде всего интервала 0,75–1,25 медианы, который позволяет выделить в индустриально развитых обществах средний класс «по доходам». Большинство же исследователей сходятся во мнении, что доходы более 2 и менее 0,5 медианы представляют собой пороги, отсекающие полярные группы — верхи и низы — общества. Работа носит во многом междисциплинарный характер и может быть полезна не только социологам,

© Аникин В. А., 2018
© Лежнина Ю. П., 2018
© Центр фундаментальной социологии, 2018
DOI: 10.17323/1728-192X-2018-1-237-273

* Статья подготовлена в рамках проекта 17-03-00290 «Динамика модели доходной стратификации российского общества в социологическом измерении (1992–2017 гг.)», реализуемого при поддержке РФФИ.

Авторы выражают признательность Н. Е. Тихоновой и Е. Д. Слободенюк за их неоценимый вклад на этапе подготовки данной статьи.

но также экономистам, демографам и специалистам в области социально-экономической статистики.

Ключевые слова: доходная стратификация, доходное неравенство, границы доходных групп, относительный подход, медиана, средний класс, бедные, богатые

Дифференциация доходов населения и уровень неравенства входят в число наиболее острых социально-экономических проблем в современных обществах и зачастую формируют политическую повестку стран. Неудивительно, что и в академической литературе они находятся в зоне внимания исследователей. При этом изучение распределения доходов, с одной стороны, позволяет обнажать проблемные точки в жизни населения, которые на практике требуют решения мерами социальной политики, чаще всего государственной. С другой стороны, оно дает дополнительные возможности для исследования социальной структуры общества (Esping-Andersen, 1990), так как доходы традиционно являются одним из основных индикаторов уровня жизни, учитываемых при построении соответствующих моделей.

Доходы — не единственный монетарный индикатор уровня жизни для одномерной стратификации. Их альтернативой могут выступать расходы как показатель характеристик потребления (Banerjee, Duflo, 2008) или накопленное богатство (например, в: Credit Suisse, 2015). Нам кажется более перспективным изучение именно доходов индивидов и домохозяйств — ведь доходы свидетельствуют не только о реальном уровне жизни и возможностях в сфере потребления, но и о перспективах сберегательного и инвестиционного поведения людей в долгосрочной перспективе. В то же время расходы больше говорят о выбранном образе жизни с учетом имеющихся ограничений, а накопленное богатство — как финансовое, так и нефинансовое — дифференцирует лишь небольшую часть населения.

Стратификация по уровню доходов является на первый взгляд одним из наиболее простых подходов к анализу структуры общества в рамках шкалы «бедные-богатые». Такая модель позволяет получить количественные оценки наименее и наиболее благополучных в финансовом отношении групп населения, их динамики, определить степень доходного неравенства в обществе, выявить изменения доходов разных социальных групп под влиянием экономической рецессии или экономического роста. В силу того, что основным индикатором для ее построения является универсальный показатель уровня доходов, именно такая модель стратификации удобна для международных сравнений. Велика ее роль и в сфере социальной политики, где на основании показателя доходов определяются группы бедных и нуждающихся, которые становятся объектом социальной поддержки.

Необходимость углубленных исследований доходной стратификации была артикулирована еще более четверти века назад учеными, рассматривавшими доходное распределение как одно из важнейших оснований социальной стратификации (Esping-Andersen, 1990; Lenski, 1984; Rytina, Form, Pease, 1970; Townsend, 1979)

и много сделавшими в этом направлении. Тем не менее потребность в таких исследованиях актуальна и сегодня (Ceriani, Verme, 2014), в том числе для современной России (O'Brien, Wegren, Patsiorkovsky, 2007; Townsend, 2013; Wegren, Patsiorkovski, O'Brien, 2006; Григорьев, Салмина, 2013; Тихонова, 2017а, 2017б). Более того, эта проблематика вызывает интерес различных специалистов, хотя самые заметные «игроки» здесь — социологи и экономисты. Для экономистов доходы и доходное неравенство являются неотъемлемыми атрибутами концепции располагаемых возможностей («capabilities»), основанной на экономических теориях благосостояния и справедливого распределения. Этот традиционный для них подход к измерению благосостояния базируется на сравнении уровней доступных индивидам ресурсов (Sen, 1992). При этом развитие проблематики доходных неравенств экономистами часто пересекается с ключевыми для концепций социальной стратификации и теории социальной структуры в целом темами. Это справедливость, неравенство, бедность, средний класс; в меньшей степени проработана в литературе в этом контексте проблематика богатства (Brzezinski, 2011; Eisenhauer, 2011). При этом в целом опыт выделения тех или иных доходных групп в академической литературе независимо от ее отраслевой принадлежности значительно чаще связан с изучением отдельных элементов социальной структуры (соответственно, бедных, среднего класса и т. д.), чем с описанием моделей социальной стратификации общества в целом.

Междисциплинарное продвижение в изучении доходной стратификации значительно осложняет путаница в понятиях, а именно то, что, например, социологи и экономисты по-разному трактуют базовые понятия социальной структуры, в частности — группы, страты, слои и классы. Несмотря на то что в социологии сложилась традиция анализа социальных групп, берущая свое начало еще в работах Г. Зиммеля (Simmel, 1898), экономисты активно используют это понятие для описания выделяемых ими доходных категорий и рангов, не учитывая традиционные критерии выделения групп в социологии. Исключение составляют случаи, когда за основу разбиения населения берется отношение индивидов или домохозяйств к тому или иному доходному процентилю или индексные методики доходной стратификации (Yitzhaki, Lerman, 1991), когда деление населения на группы заведомо основано скорее не на социальной теории, а на практических нуждах исследования (например, необходимости контролировать нелинейность анализируемых процессов). Социологи же редко используют подобные формальные деления, отдавая предпочтение теоретически более проработанным классификациям, например, классовым схемам Дж. Голдторпа и его коллег (Erikson, Goldthorpe, 1992; Goldthorpe, McKnight, 2006), Э. Райта (Wright, 1989, 1997), Д. Груски и его коллег (Liu, Grusky, 2013; Weeden, Grusky, 2005), Д. Треймана (Treiman, 1977) или даже вообще выражают скепсис по поводу попыток увязать дифференциацию населения по доходу с логикой социальной стратификации (Wodtke, 2016).

Тем не менее задача взаимоувязывания социальной стратификации и доходного неравенства, согласно текущим исследованиям социально-экономического

неравенства и стратификации, в России по-прежнему сохраняет свою значимость, причем не только практическую, но и теоретическую (Anikin et al., 2016; O'Brien et al., 2007; Wegren et al., 2006; Козырева, Смирнов, 2016; Тихонова, 2017b; Тихонова, Слободенюк, 2014; Шкаратан, 2009). И хотя стратификация исключительно на основе доходов несколько ограничена в своих эвристических возможностях при анализе социальной структуры в целом, она может красноречиво свидетельствовать о происходящих в этой области социально-экономических процессах, их тенденциях и масштабах. При этом сами доходные группы формируют упорядоченную однокритериальную схему классификации общества[1], пусть и простую, но уже закрепившуюся как отдельная традиция в структурной социологии (Grusky, 2001; Parsons, 1940).

С методологической точки зрения построение шкалы доходной стратификации и выбор рангов доходного распределения для обеспечения отражения реальной неоднородности общества не является тривиальной задачей. Наибольшие вопросы вызывает то, где именно должны проходить границы различных доходных групп, чтобы обеспечивать их относительную гомогенность и дифференцировать их между собой. Для определения этих порогов могут использоваться различные подходы, основные среди которых — абсолютный и относительный. В рамках *абсолютного* подхода границы дохода различных социально-экономических групп задаются конкретной денежной суммой, а в рамках *относительного* подхода отправной точкой анализа выступают средние (реже) или медианные (чаще) показатели дохода, а также децильные распределения (или иное распределение по процентилям).

Целесообразность применения для России как самих этих подходов, так и определенных доходных границ в их рамках может быть различной, поскольку они разрабатывались для разных целей и для стран, находящихся на разных этапах экономического и социального развития. Поэтому выбор оптимальной методики — важная отдельная задача.

Абсолютный подход к доходной стратификации

Абсолютный подход к выделению тех или иных доходных групп в значительной степени является экстраполяцией на доходную стратификацию общества в целом опыта определения бедности через выделение ее количественной (и при этом монетарной) границы. Для национальных статистик величина черты бедности в основном определяется через прожиточный минимум (ПМ), т. е. стоимость товаров и услуг, обеспечивающих удовлетворение базовых потребностей, а также обяза-

1. Говорить о доходной стратификации как отражении реальной структуры общества возможно, только если доходные группы выделены не случайным, формальным образом, а на основе содержательных критериев, отражающих реальную разницу их возможностей и ресурсов, различий в устойчивости их положения и определяющих его факторах. Именно такой подход использован в данной статье.

тельных платежей. Также зачастую в потребительской корзине нормативно устанавливается доля непродовольственных товаров. В этой логике для целей государственной статистики бедные выделяются обычно посредством сравнения доходов населения с прожиточным минимумом. Соответствующая практика типична для статистических служб многих стран с разным уровнем развития и национального дохода. Ее использует и Россия, и статистический комитет СНГ (Ясинский, 2014), и даже такая развитая страна, как США, хотя в США стандарты потребления крайне высоки и не ограничиваются возможностями физического воспроизводства населения, поэтому при расчете черты бедности учитывается, что доля расходов на продукты питания в минимальной потребительской корзине должна составлять не более трети всех расходов[2]. Это заметно ниже, чем, например, в современной России (50 %).

Определение национальных черт бедности учитывает географическую, экономическую, культурную и другую специфику стран. Соответственно, они характеризуют порой принципиально разные наборы товаров и услуг, что затрудняет международные сопоставления реального уровня жизни населения. В этих условиях построение шкал доходной стратификации на основании абсолютных значений и последующее их сравнение требует аккуратного учета таких показателей, как этап индустриализации страны, уровень ее модернизированности и т. д., что означает дифференцирование соответствующих границ для населения стран с разным этапом социально-экономического развития (Cowell, 2011).

Еще одним вариантом определения национальных линий бедности может выступать размер доходов/расходов, соответствующих потреблению определенного количества калорий (в основном 2100 или 2400 в сутки, хотя существуют и иные варианты [Government of India Planning Commission, 2014]). Однако поскольку одно и то же количество калорий может обеспечиваться принципиально разными продуктовыми корзинами с разной стоимостью, этот вариант расчета черты бедности не особенно популярен.

Альтернативой, избегающей денежных измерений, является практика выделения социальных групп через границы долей дохода, затрачиваемых на питание. Подобные методики разрабатывались для развивающихся стран (в частности, Латинской Америки, где они широко используются до сих пор). По большей части при выделении группы бедного населения в их рамках учитываются различные относительные доли расходов на питание (например, 80 % общего бюджета домохозяйств для крайне бедных, 60 % — для бедных и 40 % — для уязвимых) (см., например: Hall, 2014; Levine, Roberts, 2008).

На фоне ограничений обозначенных выше подходов значительно более широкое распространение — в первую очередь для сравнительных исследований — получила методика определения черты бедности, разработанная экономистами Всемирного банка, в частности, М. Раваллионом и его коллегами (Montalvo, Ravallion,

2. Более подробно методику выделения группы бедного населения см. на официальном сайте Бюро переписи населения США (https://www.census.gov/topics/income-poverty/poverty/about.html).

2010; Ravallion, 2010, 2011, 2016), а также ее разновидности. Доходные границы в рамках этой методики, которую сами авторы определяют как скорее «слабо относительную» (Chen, Ravallion, 2013), выделены на базе национальных границ бедности отдельных стран выборки, с которой работает Всемирный банк (всего 126 стран). Эта методика разрабатывалась и используется в основном для анализа ситуации в развивающихся странах. Поэтому именно их официально установленные пороги бедности (22 страны) легли в основу соответствующей демаркационной линии в методике в целом. Изначально в качестве порога бедности в развивающихся странах Всемирный банк рассматривал сумму, равную 1 доллару в день по паритету покупательной способности (ППС)[3]. Именно этот показатель условно аппроксимировал значение национальных границ бедности изучаемых Всемирным банком развивающихся стран. При этом методика «1 доллара» была ориентирована только на страны таких регионов, как Африка, Южная Азия, Восточная Азия и страны Тихоокеанского бассейна. Для среднедоходных стран (Европа и Центральная Азия, Латинская Америка и страны Карибского бассейна, Северная Африка и Ближний Восток) изначальный порог бедности устанавливался на уровне 2 долларов, что примерно соответствовало медианному показателю черт бедности для всех развивающихся стран, которые находились в зоне изучения Всемирного банка. Россия по классификации Всемирного банка входит в число стран с доходами выше среднего[4], т. е. черта бедности в ней должна заведомо находиться выше этой медианы.

Впоследствии, с начала 1980-х годов, по мере расширения выборки стран, используемых для международных сопоставлений и с учетом инфляции в США, эти показатели неоднократно претерпевали изменения. К 2017 году в качестве границ бедности вместо показателей в 1 и 2 доллара стали использоваться показатели в 1,9 и 3,1 доллара в день (в ценах 2011 года) соответственно. В целом же в рамках методики «1 доллара» Всемирного банка в исследованиях разных лет применялись такие варианты этих границ, как 1 доллар; 1,25 доллара; 1,45 доллара; 2 доллара; 2,5 доллара и т. д. Удвоение границы бедности рассматривается как порог уязвимости к бедности, т. е. ее высоких рисков.

Логика Всемирного банка по определению черты бедности транслируется в рамках абсолютного подхода к доходной стратификации и в практиках выделе-

3. Определение ППС методически достаточно нетривиально, что приводит к множеству вариантов его расчета. Всемирный банк для расчета ППС использует свою Программу международных сопоставлений (ПМС, 199 стран-участниц): обследования проводятся каждые шесть лет для сбора данных о ценах и расходах для целого ряда конечных товаров и услуг, которые включены в ВВП, в том числе потребительских товаров и услуг, государственных услуг и пр. (более подробно см. на официальном сайте Всемирного банка: http://iresearch.worldbank.org/PovcalNet/index.htm?0,2). В настоящее время доступны данные ППС Всемирного банка на 2011 год. Анализ доходных распределений, построенных с учетом ППС, существенно отличается от аналогичных расчетов на базе обменных валютных курсов. Так, например, для России стоимость доллара по ППС соответствовала на 2011 год 17,35 руб., в то время как по используемому ВМ обменному курсу — 29,35 руб.

4. Источник данных: официальная статистика Всемирного банка (http://data.worldbank.org/country/russian-federation).

ния в развивающихся странах среднего класса. Безусловно, понятие «класс» при доходной стратификации корректно использовать только в рамках одноступенчатого классового анализа, существующего наряду с веберианским и марксистским подходами к социальной стратификации (Breen, 2005; Wright, 2005). Согласно ему классы выделяются в рамках вертикальной стратификации на базе жизненных шансов в сфере потребления, т. е. уровня их благосостояния: от бедности к богатству. Несмотря на упрощенный характер этого подхода к классовой структуре, он находит распространение не только в рамках маркетинговых, но и академических исследований (см. подробнее: Тихонова, 2014).

М. Раваллион (Ravallion, 2010) определяет нижнюю границу среднего класса развивающихся стран (включая как собственно средний, так и верхний средний класс) на уровне черты бедности (2 доллара), а верхнюю (13 долларов) — как границу бедности в США, показывая тем самым, что средний класс в развивающихся странах — это те, кто уже не беден, согласно стандартам этих стран, но беден в стандартах развитых или богатых стран. Он также отмечает целесообразность выделения в этом классе в развивающихся странах верхнего среднего сегмента с нижней границей его доходов в 9 долларов, что соответствует самой высокой черте бедности среди развивающихся стран, анализировавшихся в рамках соответствующего исследования, — в Уругвае. Для попадания в «западный средний класс», по мнению Раваллиона, необходимо как минимум пересечь черту доходов, равную черте бедности США.

При сохранении логики определения границ среднего класса и применения ее к иным регионам соответствующие значения дохода в долларах и даже набор анализируемых «классов» меняются (Dang, Ianchovichina, 2016; Vakis, Jamele, Lucchetti, 2016). Так, для России при выделении среднего класса Всемирным банком используется практика его дробления на 2–3 подгруппы[5]. При этом применение этой методики к условиям России оставляет вопросы, поскольку она, в отличие от большинства развивающихся стран, с процессами индустриализации и урбанизации столкнулась значительно раньше, соответственно, и преуспела в них в значительно большей мере.

Б. Миланович и Ш. Ицхаки (Milanovic, Yitzhaki, 2002), фокусировавшиеся на выделении мирового среднего класса, определяли верхнюю границу его дохода (50 долларов) как размер среднего дохода в Италии, наименее богатой из развитых стран в группе G7. Нижняя граница (12 долларов) определялась ими как средний доход населения Бразилии. Согласно альтернативной методике (Kharas, 2010), нижний порог доходов среднего класса в развивающихся странах (10 долларов в день) равен среднему размеру черты бедности для двух развитых стран с наиболее строгими в этом отношении показателями (Италии и Португалии)[6]. В Китае

5. См. в таблице 1 источники: Всемирный банк, 2014; World Bank, 2015.

6. Верхнюю границу (100 долларов) автор выделяет на ином основании — как удвоенную медиану дохода Люксембурга — самой богатой из развитых стран.

Таблица 1. Границы доходов социальных слоев в рамках абсолютного подхода в отдельных исследовательских работах, в долларах США на человека в день по ППС*

Авторы, год	Низкодоходные			Среднедоходные			Высоко-доходные	География применения методики
	Глубоко бедные	Бедные	Уязвимые	Нижний СК	Средний класс	Верхний СК		
Ravallion (2016)		1,25			2–9	9–13		Развивающиеся страны
Vakis et al. (2016)	до 2,5	2,5–4	4–10		10–50			Страны Латинской Америки и Карибского бассейна
Dang, Ianchovichina (2016)		До 2	2–4,9		Более 4,9			Middle East and North Africa
Доклад об экономике России 31… (2014)		До 51	5–10		10–50	От 50		Россия, страны Европы и Центральной Азии
Russia Economic Report 33… (2015)		До 5**	5–10	10–25	25–50	От 50		Россия
Milanovic, Yitzhaki (2002)					12–50			Глобальный средний класс, 1993 год
Banerjee, Duflo (2008)				2–4	4–6	6–10		11 развивающихся стран***
Kharas (2010); Cárdenas, Kharas, Henao (2011)					10–100			Глобальный средний класс; Латинская Америка
Bhalla (2009)					Около 11****			Индия и Китай
Lopez-Calva, Ortiz-Juarez (2014)					10–50			Чили, Мексика, Перу
Исследовательский центр PEW		До 2	2,01–10		10,01–20	20,01–50	Более 50	Весь мир
Подход McKinsey			9	9–15	15–40	40–77	Более 77	Развивающиеся страны, включая РФ и Польшу

* В связи с фокусом внимания различных авторов на разных социальных слоях и/или построении социальной структуры общества с разным набором ее элементов таблица имеет незаполненные ячейки — по позициям, оставшимся за рамками рассмотрения в соответствующих публикациях. Соотнесение доходных групп исследователей с представленной в таблице классификацией произведено авторами данной статьи.

** В качестве порогового значения бедности для России обычно отмечается показатель 4 доллара в день по ППС (Статистика СНГ, 2015). В то же время для оценки крайней бедности и бедности во всех странах региона «Европа и Центральная Азия», к которому Всемирный банк причисляет Россию, используются два унифицированных верхних граничных показателя — соответственно, 2,5 доллара в день и 5 долларов в день.

*** Авторы использовали для классификации показатели расходов, а не доходов.

**** Определено через 3900 долларов в год — порог, который определил сам С. Бхалла.

и Индии средний класс определяется как население с годовыми доходами, соответствующими 10 долларам в день (Bhalla, 2009; Kharas, 2010).

Верификация границ дохода среднего класса в развивающихся странах опирается иногда и на их сравнение с иными подходами к стратификации — например, относительным, о котором подробнее будет сказано ниже. Так, средний класс может определяться как промежуточная группа (Banerjee, Duflo, 2008) между бедными этих стран и средним классом развитых стран (США, например). В этой связи они устанавливали границы его расходов как 2–10 долларов в день на человека, дифференцируя средний класс на три группы: с доходами 2–4, 4–6 и 6–10 долларов на человека в день.

В некоторых работах встречаются и содержательные обоснования используемых границ доходов отдельных доходных групп. Так, при выделении среднего класса Л. Лопес-Калва и Е. Ортис-Хуарес (Lopez-Calva, Ortiz-Juarez, 2014) определяли нижнюю границу среднего класса как доход, соответствующий максимально допустимому уровню экономической нестабильности для среднего класса. Как индикатор уязвимости при этом они рассматривали 10 %-ную вероятность попадания индивида в число бедных на пятилетнем интервале. Это соответствовало среднему уровню бедности в таких странах, как Аргентина, Колумбия, Коста-Рика, но было чуть меньше, чем в регионе Латинской Америки в целом[7].

Отдельно стоит упомянуть и о традиции доходной стратификации в маркетинговых исследованиях. Коммерческие аналитические службы строят доходные шкалы, опираясь обычно на разработки Всемирного банка и отдельные научные результаты[8], поэтому опыт выделения ими различных социальных слоев в рамках абсолютного подхода для международных сравнений базируется в основном на методологии «1 доллара» (1,9 доллара с 2015 года) и «2 долларов» (3,1 доллара с 2015 года) Всемирного банка.

Всемирный банк также предпринимает попытки построения общей доходной шкалы, беря во внимание свой опыт выделения бедных и среднего класса. Например, для стран Европы и Центральной Азии, включая РФ, в рамках «Доклада об экономике России» (Всемирный банк, 2014), были выделены следующие элементы социальной структуры, в основе модели которой лежит критерий дохода:

— *верхний средний класс* (50 или более долларов в день);
— *средний класс* (10–50 долларов);
— *уязвимые* (5–10 долларов);
— *бедные* (5 и менее долларов).

7. Для получения показателя дохода, соответствующего этому уровню незащищенности, авторами изучалось то, какой уровень дохода с ним ассоциируется. Эта задача решалась посредством построения модели, учитывающей демографические и трудовые характеристики, а также шоки, с которыми сталкивается домохозяйство.

8. См. примеры: The American Middle Class Is Losing Ground: No Longer the Majority and Falling behind Financially. Washington: Pew Research Center, 2015 (http://www.pewsocialtrends.org/files/2015/12/2015-12-09_middle-class_FINAL-report.pdf), а также публикации компании Маккинзи (*Court D., Narasimhan L.* [2010]. Capturing the World's Emerging Middle Class [http://www.mckinsey.com/insights/consumer_and_retail/capturing_the_worlds_emerging_middle_class]).

Таким образом, полного консенсуса в вопросах о границах доходов различных социальных слоев в академическом дискурсе не существует. При этом значения предельных доходов низкодоходных слоев и нижней границы доходов среднего класса имеют в работах разных авторов больше пересечений, нежели их предложения о верхней границе доходов среднего класса и высокодоходных слоев. При этом обоснования этих границ практически всегда вызывают вопросы, так как эти пороги либо просто постулируются авторами соответствующих методик, либо ориентированы на условия определенных стран или регионов мира.

В целом же нерелевантность стандартов жизни развивающихся стран для массовых слоев населения развитых стран оставляет низкие шансы на формирование единой шкалы доходной стратификации в мировом масштабе. Для экономически более благополучных стран (например, для Европы и Средней Азии) используется либо мультипликация абсолютных показателей дохода, либо принципиально иные подходы (для высокодоходных стран), так как для развитых стран более актуальны вопросы исключенности населения из жизни общества, чем вопросы физического выживания, как, например, в ряде стран Африки. Поэтому в таких странах для определения доходного статуса используется относительный подход, а не абсолютный, как применительно к развивающимся странам.

Относительный подход к доходной стратификации

Альтернативой абсолютному подходу определения границ групп при доходной стратификации выступает *относительный* подход. В его рамках границы дохода групп выделяются в основном на базе либо процентильного распределения, либо соотнесения со средним или медианным доходом в рамках страны или иной пространственной единицы. Такая процедура позволяет «нормировать» положение объектов (индивидов или домохозяйств) относительно существующих в региональных или локальных сообществах стандартов, в данном случае — стандартов доходов.

Выделение процентилей населения по какому-либо показателю уже само по себе задает определенную стратификацию всей совокупности объектов. В этой связи построение «процентильной» шкалы заметно проще для оперирования по сравнению с абсолютными шкалами, описанными выше. При этом такие стратификационные линейки на основе процентилей имеют симметричное распределение и ровные границы. Данный подход активно применяется и при построении общей шкалы стратификации, и для определения лишь отдельных элементов социальной структуры. Так, например, срединные ранги (терминологически в рамках доходных стратификаций в отношении них применяется зачастую термин «средний класс») определяются как зона вокруг центральных процентилей/децилей/квинтилей и т. д. У. Истерли (Easterly, 2001) и Р. Барро (Barro, 2000) относят к среднему классу всех членов второго-четвертого доходных квинтилей (т. е. с 21-го по 80-й процентили). Те же границы среднего класса использованы

и у У. Даллингера, который предлагает использовать квинтили и для того, чтобы «уловить внутреннюю дифференциацию социетального среднего» (Dallinger, 2013: 88). У него «средний» средний класс в узком смысле слова является серединными 20 % доходного распределения (квинтиль 3), ниже лежит «нижний» средний класс (квинтиль 2), а над ним — «высший» средний класс (квинтиль 4). Для других авторов (Partridge, 1997) средним классом является только «средний» средний класс У. Даллингера (3 квинтиль). Определение в качестве среднего класса нецентральных квинтилей также имеет место в академической литературе, но встречается относительно реже. Одни (Alesina, Perotti, 1996; Bellettini, Ceroni, 2007) относят к нему 3–4 квинтили, другие (Solimano, 2008) — 3–9 децили.

Границы доходов самых благополучных групп — значительно более дискуссионный вопрос доходной стратификации для установления демаркационных черт (Drewnowski, 1978). А. Пейхль и Н. Пестель (Peichl, Pestel, 2013) устанавливают границу на уровне 80-го процентиля, что соответствует большинству работ других авторов, рассматривающих в качестве нижней границы доходов высокодоходных групп верхнюю границу доходов среднего класса (табл. 2). Распространены в литературе и подходы, относящие к высокодоходным слоям (которые подчас к тому же делятся на подгруппы) значительно меньшую долю населения — от 0,5 до 10 % населения. Так, одни (Carroll, 2002; Dynan, Skinner, Zeldes, 2004; Weicher, 1997; Wolff, 2010) называют в качестве их границ 1 % и 5 %, другие (Feenberg, Poterba, 2000) — 0,5 %. Впрочем, четкой аргументации по вопросу своего выбора авторы не приводят.

Преимущества выделения социальной структуры через процентили дохода выражаются в основном в простоте использования такого подхода. При этом, несмотря на широкое применение методики равных рангов к доходному распределению, такой подход критикуется исследователями, чаще экономистами, занимающимися проблематикой доходной стратификации (например, Birdsall, Graham, Pettinato, 2000; Chauvel, 2013; Eisenhauer, 2011). Достоинство этого инструмента является его же недостатком. Так, авторы (Birdsall et al., 2000) критикуют выделение среднего класса через процентили дохода за то, что такой метод по определению предполагает группировки фиксированного размера. В качестве альтернативы авторы предлагают использовать «медианный подход» при группировке доходного распределения, преимущества которого они видят в следующем: 1) возможность сравнивать размер групп между странами и внутри страны на протяжении времени; 2) относительная легкость выделения групп внутри страны в целях социальной политики[9].

9. Авторы позволяют себе критиковать социологическое (многокритериальное) определение среднего класса, указывая на то, что медианный подход позволяет избежать проблемы «устаревания» определения среднего класса, строящегося на основе родов занятий, в ситуации динамичных изменений профессиональной структуры в рамках индустриализации и наблюдаемой сегодня информационной революции в индустриально развитых странах. Не вдаваясь в полемику на этот счет, стоит отметить, что профессиональная структура может быть более ригидной и стабильной, чем доходное распределение. Опыт России периода экономического бума 2000-х годов показывает, что изменения

И действительно, в попытке избежать такой изначальной «заданности» размеров доходных групп многие авторы часто прибегают к попыткам построить шкалу доходной стратификации с опорой на показатели среднего или медианного дохода или (реже) черты бедности[10].

Чаще всего в основе относительных шкал доходной стратификации лежит медиана (Townsend, 2013), поскольку доходное распределение зачастую смещено вправо и медианный показатель дохода практически всегда ниже среднего. Соответственно, чувствительность медианы к глубине неравенства доходов, в том числе в верхних слоях населения, заметно ниже, чем у показателя среднего дохода.

Популяризация медианного подхода к доходной стратификации началась с социологических работ по изучению социально-экономической сущности феномена бедности и экономического труда. Л. Туроу (Thurow, 1987) один из первых предложил определение среднего класса в терминах относительного подхода к доходам. Впрочем, и иные социальные группы также находят свое определение через медианный доход в литературе. Так, по методологии ОЭСР, активно используемой различными европейскими статистическими службами, относительная черта бедности оценивается как 50 % медианного эквивалентного денежного дохода[11] (хотя в целом допускается и использование показателей в 40 %, 60 % и 70 %). Европейское статистическое агентство (Евростат) рассчитывает долю населения с доходами менее 60 % медианного дохода в стране как границу доходов для тех, кто подвергается бедности[12]. Эти показатели активно используются научным сообществом при определении индикаторов бедности.

К среднему классу в рамках данной традиции относятся обычно те, чьи доходы лежат «вокруг медианы» — в интервале от 0,75 до 1,25 медианы (Pressman, 2007; Pressman, Scott, 2009; Thurow, 1987). Эту несколько «механически» определенную зону расширяют Э. Аткинсон и А. Брандолини (Atkinson, Brandolini, 2013). Они, рассматривая 0,6 медианы доходов как черту бедности[13], определяли нижнюю границу доходов среднего класса как эту величину, увеличенную на 25 %, т. е. 0,75 медианы, для обеспечения избегания риска бедности «с комфортным запасом». Логика выделения верхней границы, 1,25 медианы, не так очевидна, если не считать ее симметричности к 0,75 по отношению к медиане. Поэтому, обосновывая ее, авторы больше апеллируют к удачному опыту использования такой границы у С. Прессмана (Pressman, 2007), чем к собственным расчетам. Кроме того, авто-

в доходном распределении опережают изменения в профессиональной структуре. Более того, само по себе соотношение доходного распределения и профессиональной структуры является самостоятельным и сложным научным вопросом.

10. В рамках этих разновидностей относительного подхода сама черта бедности также часто определяется через медианный показатель дохода.

11. Более подробно методику выделения см. на официальном сайте ОЭСР (https://data.oecd.org/inequality/poverty-rate.htm).

12. Более подробно методику выделения группы бедных см. на официальном сайте Евростата (http://ec.europa.eu/eurostat/web/products-datasets/-/tesov016).

13. Автор использует термин «at-risk-of-poverty line», т. е. черту риска бедности, но, по сути, речь идет о черте бедности.

ры выделяют примыкающие к среднему классу нижний и верхний средние классы (0,6–0,75 медианы и 1,25–1,67 медианы), границы которых рассчитываются из логики превышения верхней границы над нижней на четверть.

В исследованиях французского социолога Л. Шавеля (Chauvel, 2006) при определении нижних и верхних границ доходов среднего класса используется более широкий коридор — от 0,50 до 2 медиан относительных скорректированных[14] располагаемых доходов. В своих более поздних работах Шавель (Chauvel, 2013), основываясь на исследованиях упомянутых выше коллег[15], а также анализируя кривую распределения эквивалентных располагаемых доходов, делает выводы о гетерогенности среднего класса, необходимости повышения его верхней границы и дифференциации «нижнего» (0,75–1,25 медианы), «среднего» (1,25–1,5 медианы) и «верхнего» (1,5–2,5 медианы) его сегментов[16]. Другие исследователи применительно к Германии (Grabka, Frick, 2008) используют границы 0,7–1,5 медианы доходов. Для США этот диапазон традиционно шире. Так, еще в литературе 1980-х годов предлагался диапазон доходов среднего класса в 0,6–2,25 медианы (Blackburn, Bloom, 1985).

Американский исследовательский центр PEW[17] определяет средний класс (или население «со средним уровнем дохода») как тех, чей годовой доход на домохозяйство из трех человек (целого числа ближайшего к среднему размеру домохозяйства США, который был 2,5 в 2015 году) составляет от двух третей до удвоенной национальной медианы[18].

Практики выделения в логике относительного медианного подхода наиболее благополучного населения, как и в логике остальных подходов, наиболее дискуссионны. Верхняя граница доходов среднего класса, которая призвана играть роль нижней границы доходов наиболее обеспеченных групп, не имеет консенсусного определения, а размах вариантов таких границ крайне велик (Peichl, Schaefer, Scheicher, 2010) — от двух, трех и даже четырех медиан, либо верхних 10 % или даже 1 % (Brzezinski, 2011).

Существуют и вариации границ богатства в рамках относительного подхода без опоры на медианные показатели дохода. В отдельных случаях, например, в качестве отправной точки соотнесения доходов используется не медианный доход в стране, а черта бедности. Так, С. Роуз (Rose, 2016) в попытке построения доход-

14. Общий чистый доход за вычетом налогов и трансфертов, скорректированный на размер домохозяйства с применением в качестве шкалы эквивалентности квадратного корня количества резидентов домохозяйства.

15. В первую очередь источники: Pressman, 2007; Atkinson, Brandolini, 2013.

16. Автор фокусируется только на полярных подгруппах среднего класса.

17. *Fry R., Kochhar R.* (2016). Are You in the American Middle Class? Find Out with Our Income Calculator // Factank. News in the Numbers. 2016/05/11 (http://www.pewresearch.org/fact-tank/2016/05/11/are-you-in-the-american-middle-class/).

18. Более подробно о методике выделения среднего класса в рамках указанного подхода см. в техническом описании исследования Current Population Survey (CPS) на официальном сайте Бюро переписи населения США (http://www.census.gov/programs-surveys/cps/technical-documentation/complete.html).

ной стратификации населения США в 2014 году выделяет доход бедных на уровне 1,5 официальной национальной черты бедности (до 30 тыс. долларов эквивалентного дохода для семьи из трех человек), а богатых — по полученным в ходе опросов оценкам населения о численности этой группы (1–2 %, что соответствует доходу в 350 тыс. долларов, которые, в свою очередь, приблизительно равны 10 тыс. долларов США в месяц на человека и в 10–12 раз выше черты, отделяющей низкодоходные группы). Население с доходами между этими показателями отнесено к среднему классу: верхнему (от 100 тыс. как 5-кратный размер официальной национальной черты бедности для соответствующих домохозяйств до 350 тыс. долларов), среднему (50–100 тыс. долларов) и нижнему (30–50 тыс. долларов) его сегментам.

Согласно М. Медейросу (Medeiros, 2006), черта высокообеспеченности может быть определена на уровне четырех стандартных отклонений сверх среднего дохода. Другие исследователи (Danziger, Gottischalk, Smolensky, 1989; Rank, Hirschl, 2001) обращаются к 8-, 10- и 12-кратным национальным чертам бедности. Существуют и другие версии выделения высокодоходных слоев и построения моделей доходной стратификации общества.

Тем не менее медиана как «точка отсчета» все-таки является наиболее популярным методическим базисом для построения моделей доходной стратификации, хотя и у основанных на ней методиках есть свои изъяны. К числу главных недостатков метода медианного дохода в рамках одной страны Даллингер (Dallinger, 2013), например, относит то, что в результате его применения обычно получается очень широкий средний класс (хотя это характерно далеко не для всех типов обществ и тем более стран).

Стоит отметить, что неочевидность границ доходов наиболее благополучных слоев населения требует относительно большего внимания к обоснованию выбора того или иного их варианта. Поэтому попытки содержательного насыщения границ доходов групп в рамках относительного подхода к доходной стратификации в большей степени свойственны работам, ориентированным на выделение именно высокодоходных слоев. Так, по мнению Э. Аткинсона и А. Брандолини (Atkinson, Brandolini, 2013), необходимо учитывать, что эта часть населения должна иметь возможность нанять работников для удовлетворения отдельных своих нужд, например, няню, помощника по хозяйству и т. д., причем доля расходов на услуги этого работника в общем бюджете домохозяйства не должна быть такой, чтобы привести семью к бедности[19]. Подбирая параметры соотношения расходов на работника и на собственные нужды с учетом доли расходов на него в семейном бюджете, эти авторы предлагают в качестве верхней границы доходов среднего класса 2 и 3 медианы, но не делают заключений об их релевантности.

М. Медейрос (Medeiros, 2006) обосновывает черту высокообеспеченности как уровень доходов, владельцы которых через их перераспределение могут разре-

19. Бедность при этом определяется авторами в рамках относительного подхода как наличие дохода ниже 0,6 медианы этого показателя.

шить проблему бедности (доходов ниже определенной монетарной черты бедности) в рассматриваемом социуме. Этот опыт в качестве отправной точки анализа рассматривает не медианный доход, а установленную черту бедности. На данных Бразилии 1999 года при черте бедности на уровне доходов 33 процентиля населения черта обеспеченности превысила ее в 26,8 раза (1142 доллара в качестве ежемесячного дохода домохозяйства, цены 1999 года). Й. Эйзенхауэр (Eisenhauer, 2011) в качестве обеспеченных определяет тех, кто без учета трудовых доходов имеет ликвидные активы, доходность которых по безрисковым ценным бумагам после уплаты налогов превысит черту бедности.

Существуют также и попытки усилить методики выделения высокодоходных групп, дополнив доходные границы показателями накопленного состояния. Так, Р. Хаузер и И. Беккер, рассуждая о Германии 1998 года, к удвоенной медиане эквивалентного чистого дохода добавляли необходимость наличия 1 млн немецких марок на члена семьи (Hauser, Becker, 2002).

В таблице 2 представлены сводные данные об опыте доходной стратификации и выделении отдельных социальных групп на основании дохода в рамках относительного подхода. Как видно, эта традиция, имеющая в качестве отправной точки анализа отсылку к некоторому стандарту, характерному для изучаемого социума, в наибольшей степени свойственна попыткам построения моделей доходной стратификации в развитых странах.

В целом же в рамках относительного подхода, как, впрочем, и абсолютного, у авторов не только нет единства в определении границ групп при построении доходной стратификации, но зачастую нет даже аргументации своей позиции, что часто вызывает вопросы и критику. Кроме того, и в рамках относительного подхода потенциал возможностей межстрановых сопоставлений достаточно непрозрачен (Ferreira et al., 2013). Это, естественно, создает проблемы и при выборе оптимального для российских условий метода доходной стратификации. Тем не менее поскольку Всемирный банк относит Россию к странам с доходами выше среднего, а также учитывая опыт анализа доходной стратификации для этого типа стран, имеющийся в мировой научной литературе, можно предположить, что именно относительный подход окажется более перспективным для построения модели доходной стратификации российского общества. Более того, мировой опыт применения относительного подхода при рассмотрении доходной стратификации показывает, что именно методика, основанная на медианном доходе, является достаточно гибкой и, как следствие, наиболее востребованной среди ученых, изучающих проблему доходной стратификации.

Доходная стратификация в работах исследователей российского общества

Проблематике доходной стратификации современного российского общества уделяется пока недостаточное внимание, несмотря на то что вопрос о качественных

Таблица 2. Границы доходов социальных слоев в рамках относительного подхода в отдельных исследовательских работах*

Авторы, год	Низкодоходные			Среднедоходные			Высокодоходные		География применения методики
	Глубоко бедные	Бедные	Уязвимые	Нижний СК	Средний класс	Верхний СК	Обеспе-ченные	Состоя-тельные	
На основе квинтилей или процентилей, квинтили/процентили									
Alesina, Perotti (1996); Bellettini, Ceroni (2007)					3–4 квинтили				71 страна мира; 22 страны (ОЭСР)
Partridge (1997)					3 квинтиль				США
Barro (2000); Easterly (2001)					2–4 квинтили				84 страны мира; 175 стран мира
Solimano (2008)					3–9 децили				129 стран мира
Peichl, Pestel (2013)							5 квинтиль		Германия
Dynan et al. (2004)								Верхние 1% и 5%	США
Feenberg, Poterba (2000)								Верхние 0,5%	США
Carroll (2002); Weicher (1997); Wolff (2010)								Верхние 1%	США
Dallinger (2013, p. 88)				2 квинтиль	3 квинтиль	4 квинтиль			19 (пост)индустриальных стран

* В связи с фокусом внимания различных авторов на разных социальных слоях и/или выделении структуры общества в различных конфигурациях таблица имеет незаполненные ячейки — по позициям, оставшимися за рамками рассмотрения в соответствующих публикациях. Соотнесение доходных групп, выделенных различными исследователями, с представленной в таблице классификацией произведено по усмотрению авторов данной статьи, поскольку в самих работах использованы свои классификации.

На основе медианы, коэффициент мультипликации									
ОЭСР		0,5							
Евростат		0,6							
Blackburn, Bloom (1985)					0,60-2,25				США
Davis, Huston (1992)					0,5-1,5				США
Thurow (1987); Birdsall et al. (2000); Pressman (2007); Pressman, Scott (2009)					0,75–1,25				США; 30 стран, в т.ч. с высоким доходом, с переходной экономикой и страны Латинской Америки; 11 развитых стран (LIS)
Chauvel (2013)				0,75–1,25		1,5–2,5			Франция, Италия, Норвегия, США
Grabka, Frick (2008)		Менее 0,5	0,5–0,7	0,7–0,9	0,9–1,1+ 1,1–1,34*	1,3–1,5	1,5–2	Более 2	Германия
Peichl et al. (2010)		0,6					2		Германия
Eisenhauer (2011)		0,6						Расчетная черта богатства	Италия
Smeeding (2006)		0,5							11 развитых стран, включая США
Kangas (2001)		0,5					3		21 страна мира
Brzezinski (2011)							2, 3 и 4		Польша
Atkinson, Brandolini (2013)				0,6–0,75	0,75–1,25	1,25–1,67	2 или 3		11 европейских стран, США, Канада, Тайвань, Мексика
Исследовательский центр PEW			Менее 2/3		От 2/3 до 2		Более 2		США
На основе черты бедности, коэффициент мультипликации									
Burkhauser, Smeeding, Merz (1996)					2–5 и 0,75–5				США и Германия
Rose (2016)		1,5		1,5–2,5	2,5–5	5–17,5		1–2 %	США
Medeiros (2006); Rank, Hirschl (2001)								8, 10 и 12	США

* В целом авторы выделяют 8 доходных групп, но т.к. мы структурируем распределения в рамках различных подходов до 8 собственных категорий, нами произведено объединение этих двух групп.

«порогах» между социально-экономическими группами давно интересует российских ученых, и ими уже многое сделано в этом направлении. Так, комплексной проработкой вопросов, связанных с выделением доходных групп в рамках экономической стратификации, занимаются в современной России всего несколько научных центров, и почти все из них находятся в Москве: Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН (ИСЭПН РАН), Всероссийский центр уровня жизни (ВЦУЖ), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). За пределами столичного региона традиции комплексного анализа экономической стратификации и изучения ее динамики в постсоветской России развиваются представителями Новосибирской экономико-социологической школы (НЭСШ), ядро которой составляют сотрудники ИЭОПП СО РАН. Разумеется, авторы данной работы отдают себе отчет в том, что этот перечень не является полным, однако он сознательно ограничен наиболее крупными научными центрами, системно занимающимися проблематикой доходной стратификации.

Помимо научных центров ряд показателей доходных неравенств отслеживают и статистические органы страны. При этом ФСГС РФ в публикуемых данных использует как абсолютный подход (при выделении бедных, оценке динамики численности групп с абсолютными интервалами доходов и т. д.), так и относительный (приводя данные о доходах представителей разных квинтилей и децилей, динамике численности групп с разным уровнем доходов по отношению к медиане и т. п.).

Тем не менее в ключевом вопросе — выделении бедных — ФСГС РФ придерживается абсолютной методики измерения бедности (Росстат, 2015: 105–107), применяя в качестве порогового значения величину прожиточного минимума, высчитываемого на основе стоимости минимальной потребительской корзины. Соотношение стоимости непродовольственных товаров и услуг со стоимостью продуктов питания в российской потребительской корзине с 2013 года составляет 50 %[20]. Для аналитических задач[21] группа с доходами ниже прожиточного минимума определяется как малоимущие, а группа с доходами в два и более раз ниже прожиточного минимума — как «крайне бедные».

---

20. См. Федеральный закон от 03.12.2012 № 227-ФЗ «О потребительской корзине в целом по Российской Федерации».

21. Аналитические задачи ФСГС РФ по выделению этих групп решаются на основе данных ежеквартального выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств (ОБДХ), охватывающего все регионы РФ. ОБДХ (47,8 тыс. домашних хозяйств) нацелено на анализ структуры их расходов и потребления. Данные фиксируются дневниковыми записями о текущих расходах, интервьюированием членов домохозяйств и впоследствии дооцениваются на генеральную совокупность, а также корректируются (перевзвешиваются) по причине непредставленности высокодоходных групп населения в обследовании. Денежные расходы представляют собой сумму фактических затрат домохозяйства и включают в себя как потребительские, так и прочие расходы. Несмотря на то что данные о доходах, полученные таким путем, характеризуются существенными неточностями, они активно используются для оценки общей ситуации с динамикой доходов населения и расчета показателей, позволяющих (в некоторых случаях напрямую, в некоторых — косвенно) оценить доходную стратификацию российского общества и провести международные сравнения.

Этот подход для определения наименее благополучной группы населения типичен и конвенционален для академического дискурса по проблемам бедности (Л. Овчарова [Овчарова, 2012], М. Можина [Можина, 2001], В. Бобков [Бобков, 2012], К. Абанокова и М. Локшин [Абанокова, Локшин, 2014] и др. [Лукьянова, 2009, 2013]), что несколько размывает значимость и развитие относительного подхода к доходной стратификации в современной России, в основе которого, как уже отмечалось выше, также лежит обычно выделение бедных, но в рамках иной теоретико-методологической и методической традиции.

Некоторый дрейф в сторону относительного подхода к доходной стратификации в среде российских экономистов проходит пока в основном через практики выделения доходных децилей (Гришина и др., 2016; Шевяков, 2010) и квинтилей (Овчарова и др., 2017). При этом оперирование децилями производится в различных комбинациях их укрупнения. Так, одними и теми же авторами к крайним группам могут относиться и полярные 10 %, и 20 % (Жеребин, Романов, 2002). Однородность получаемых категорий не проблематизируется и, соответственно, не подвергается более детальному анализу.

Стоит отметить, что деление общества на равные доходные группы (например, по 10 % или 20 %) может приводить к затушевыванию реальной картины социальной структуры. В этой связи попытки ухватить суть структурных изменений, происходящих в России с середины 1990-х годов, посредством иных моделей и шкал доходной стратификации пусть редко, но предпринимались. Так, Н. Римашевская из ИСЭПН РАН (Римашевская, 1997) представила модель экономической стратификации общества, состоящую из пяти доходных страт, в том числе богатых и очень богатых (5 %), состоятельных или высокообеспеченных (7 %), среднеобеспеченных (18 %), малообеспеченных (20 %) и бедных (50 %), пятую часть которых составило социальное дно. Другие представители ИСЭПН РАН, в частности М. Можина (Можина, 2001), наряду с рассмотрением 1-го, 5-го и 10-го децилей доходного распределения как маркерных для анализа стратификации по доходу групп, строила модель доходной стратификации, отталкиваясь от прожиточного минимума, когда к низкодоходным (бедным) группам относились семьи с душевым совокупным доходом не более одного прожиточного минимума, среднедоходным — от одного до трех, а к высокодоходным — более трех прожиточных минимумов. В российской литературе такой подход, весьма характерный для отечественных ученых, получил название «проминимумного». Несмотря на то что с точки зрения методологии построение доходной стратификации в рассматриваемом ключе является совмещением абсолютного и относительного подходов, в своей основе он является преимущественно абсолютным, поскольку итоговая стратификация строится на базе абсолютного значения.

Модификацию этого же инструмента — прожиточного минимума, хотя и в специфической форме «бюджета прожиточного минимума» (далее БМП), —

используется и в работах представителей ВЦУЖ, в частности В. Бобковым[22], предложившим на основе БМП две модели доходной стратификации (таблица 3). При этом в зависимости от дополнительных характеристик немонетарного характера разных групп им проводилось их дальнейшее внутреннее дробление.

Таблица 3. Доходная стратификация на основании бюджетов прожиточного минимума (БПМ)[23] по версии В. Бобкова (в двух версиях)

Доходные группы	Уровень доходов (1-й вариант)	Уровень доходов (2-й вариант)
Наиболее нуждающиеся	менее БПМ	менее БПМ
Низкообеспеченные	1–3	1–2
Обеспеченные ниже среднего уровня	3–7	2–4
Среднеобеспеченные	7–11	4–11
Высокообеспеченные	более 11 БПМ	более 11 БПМ

Представители НЭСШ используют несколько отличный о версии ВЦУЖ вариант проминимумного подхода к экономической стратификации. В частности, Т. Богомолова и В. Тапилина (Богомолова, Тапилина, 1997, 2001, 2006) предлагают рассматривать 10 доходных страт (со следующими границами: до 0,5 ПМ; 0,51–1,0; 1,01–1,5; 1,51–2,5; 2,51–3,5; 3,51–4,5; 4,51–7,0; 7,01–10,0; 10,01–15,0; 15,01 и выше). Т. Богомолова (Богомолова, 2011) использует также укрупненный вариант данной модели стратификации, рассматривая мобильность между четырьмя основными экономическими слоями: низшим (1 ПМ и меньше), нижним средним (1–2 ПМ), верхним средним (2–4 ПМ), а также высшим (более 4 ПМ). Как видно, укрупненная версия доходной стратификации, предложенная Богомоловой, практически совпадает со вторым вариантом экономической стратификации, предложенной Бобковым, что отражает *наличие определенного консенсуса в рядах российских исследователей, работающих в рамках проминимумного подхода*.

Что касается *классической версии относительного подхода*, основанной на соотнесении подушевого дохода в домохозяйстве с медианным доходом в социуме, то, будучи столь популярной в зарубежной литературе, в России она представлена чаще в работах социологов, чем экономистов, хотя и у социологов встречается достаточно редко. Единственная известная нам попытка комплексного рассмотрения доходной стратификации в рамках этой традиции, причем с использованием предложенной классификации в сравнительных кросс-национальных исследованиях, среди российских социологов была сделана Л. Хахулиной и М. Тучеком

22. Согласно определению В. Бобкова, «бюджеты прожиточного минимума», которые «представляют собой балансы минимальных доходов и расходов населения и работодателей, а также средства государственной финансовой системы, обеспечивающие удовлетворение наиболее насущных потребностей и позволяющие компенсировать затраты легкого, ненапряженного, простого труда, не требующего профессиональной подготовки» (Бобков, 2009: 62).

23. Таким образом, БПМ — это, по сути, и есть прожиточный минимум.

(Хахулина, Тучек, 1995). Ими была предложена модель доходной стратификации, включающая шесть групп, в т.ч.: 1) нищие — меньше 0,25 среднедушевого дохода по выборке; 2) бедные — от 0,25 до 0,5; 3) нуждающиеся — от 0,5 до 0,75; 4) россияне со средней обеспеченностью — от 0,75 до 1,25; 5) россияне с относительным достатком — от 1,25 до 2; 6) состоятельные или богатые россияне — свыше 2 среднедушевых доходов по выборке.

Авторы данной стратификационной модели уделяют недостаточное внимание социолого-статистическому обоснованию границ выделяемых доходных групп. Более того, из всех перечисленных выше исследователей этот вопрос хоть как-то проработан пока лишь у представителей НЭСШ. Так, верификацию границ доходных групп десятичленной стратификационной схемы, предложенной Т. Богомоловой и В. Тапилиной, осуществлял их коллега П. Ростовцев на основе одновыборочного метода Колмогорова—Смирнова.

Таким образом, относительный подход к экономической стратификации российского общества пока не получил массового распространения и дальнейшего развития в последующих исследованиях российской системы доходной стратификации. Так называемый «промедианный» подход используется при исследовании экономического неравенства (Тапилина, Ростовцев, Богомолова, 2002), в то время как в стратификационных исследованиях его применение ограничивается задачами выделения той или иной социальной группы, в основном бедных или среднего класса, с применением критерия дохода. Так, эту методику неоднократно использовали ученые Института социологии РАН при выделении среднего класса (когда в качестве одного из «фильтров» при его выделении использовался медианный уровень доходов [Горшков, Тихонова, 2014]), а также отдельными учеными при выделении в качестве границы бедных и небедных слоев населения показателя 50 %, 60 %, 66 % и т. п. медианы доходов/расходов (Давыдова, 2003; Овчарова и др., 2014; Тихонова, 1999; Шевяков, 2010). Однако комплексное применение этой методики для построения стратификационных шкал дохода и выделения модели доходной стратификации российского общества в работах отечественных авторов пока еще не популярно.

В общем и целом для российских ученых характерно с недоверием относиться к исключительно монетарным измерителям неравенства и использованию показателя доходов как основного для стратификационных исследований[24]. Предпочтение отдается ими, особенно социологами, либо субъективным измерителям дохода, либо комплексным показателям, связанным с уровнем жизни, потреблением и материальным положением семьи, хотя доход при этом, конечно, учитывается.

24. Главная причина тому состоит в том, что в условиях России существуют значительные расхождения между доходом и реальным уровнем жизни, на что неоднократно указывали отечественные исследователи (Богомолова, Тапилина, 1997; Гордон, 2001; Горшков, 2007; Давыдова, Седова, 2004; Овчарова и др., 2017; Овчарова и др., 2014; Тихонова, 2013, 2014; Черныш, 2014).

Методические вопросы расчета дохода для вопросов стратификации в литературе

Оперирование доходами как источником данных для анализа соответствующей версии социальной стратификации не сводится только к вопросу о том, какой подход необходимо выбрать — абсолютный или относительный. Вне зависимости от подхода требуется предварительная работа по выбору типа доходов, а подчас — и по их корректировке.

Во-первых, для исследований доходной стратификации необходимо определиться с тем, что считать единицей наблюдения — индивида или домохозяйство. В зависимости от задач исследований выбор может быть сделан в пользу того или иного инструмента. Тем не менее в целом учет индивидуальных доходов будет больше свидетельствовать о потенциальных возможностях индивидов, а среднедушевых доходов в рамках домохозяйства — учитывать также объективные семейные ограничения этих возможностей, так как жизненный выбор человека, проживающего совместно с другими членами семьи, часто диктуется общими интересами. Чаще для целей определения особенностей уровня жизни и потребления населения используются показатели дохода домохозяйства в противовес индивидуальным.

С. Кузнец, положивший начало исследованиям доходных неравенств в экономике, также отмечал, что единицами наблюдения, для которых данные по доходам собираются и группируются, должны выступать наблюдения на уровне домохозяйств. Автор указывал, что это лучше, чем опираться лишь на индивидов, получающих доходы, для которых «отношения между получением дохода и его использованием могут быть очень размытыми» (Kuznets, 1955: 1). При этом Кузнец считал, что наблюдения, в которых основные кормильцы учатся или уже вышли на пенсию, должны отбрасываться, равно как и доходы тех, кто находится в неполной занятости; однако это зависит от целей конкретного исследования.

Достаточно полно в литературе освещены и вопросы, касающиеся того, что доход должен определяться в соответствии со статистическим его пониманием, т. е. оцениваться после налогообложения и до государственных трансфертов (Chauvel, 2013). Некоторые авторы считали также, что доход должен определяться за минусом рент и других доходов, получаемых на активы (Kuznets, 1955). Однако это спорно и зависит от целей исследования и социально-экономического контекста. Так, вряд ли применительно к России можно не учитывать при построении модели доходной стратификации пенсионеров, живущих на такие государственные трансферты, как пенсии, или не учитывать в их доходах поступления от сдачи (например, на лето) своих квартир.

Во-вторых, доходы домохозяйства требуют адекватной коррекции на количество членов семьи (Kuznets, 1955: 1), что заставляет как минимум принимать во внимание не совокупные, а среднедушевые показатели дохода. При этом в связи с дифференциацией потребностей членов домохозяйства (например, в зависимо-

сти от возраста, состояния здоровья и т. д.), а также наличия эффекта масштаба в первую очередь при потреблении общих для всего домохозяйства благ (жилье, товары длительного пользования и т. д.) исследователями и аналитическими службами иногда используются так называемые шкалы эквивалентности, позволяющие скорректировать арифметический показатель среднедушевого дохода в домохозяйстве. Соответствующие традиции сложились преимущественно в рамках экономических исследований, но постепенно перекочевали и в широкий пласт социальных исследований в целом.

Сегодня существуют разные вариации шкал эквивалентности доходов (Овчарова, 2009). В эмпирических исследованиях долгое время широко применялась шкала ОЭСР, или «Оксфордская шкала». Согласно ей, доходу главы домохозяйства придается вес, равный единице; вклад каждого дополнительного взрослого учитывается с весом 0,7; вклад каждого молодого члена домохозяйства в возрасте 14 лет и ниже — с весом 0,5. Для более популярной в последнее время модифицированной шкалы ОЭСР эти коэффициенты равны 1, 0,5 и 0,3 соответственно, а для шкалы ОЭСР для международных сопоставлений 1, 0,4 и 0,3. В международных сравнениях также широко используется практика взвешивания через квадратный корень размера домохозяйства[25].

Применим в качестве меры эквивалентности и логарифм размера домохозяйства. Однако на практике разница, получаемая при использовании разных схем применения весов, небольшая (Castellani, Parent, 2010). Кроме того, в России большинство респондентов говорят о равном вкладе взрослых в бюджет домохозяйства, а главное, количество членов в нем мало сокращает расходы для подавляющего большинства населения. Это связано и со спецификой ситуации в жилищной сфере, и с высокой долей неэластичных индивидуальных расходов (питание, одежда, транспорт, лекарства и т. д.), и с другими факторами. Все это дает возможность не ранжировать иждивенческую нагрузку семьи по весам, а учитывать вклад каждого члена семьи с равной долей, т. е. говоря в математических терминах, брать обычное среднее, а не взвешенное. Социологическая логика такого решения видится в том, что в типичных для России семьях с общим бюджетом все доходы суммируются и расходы на иждивенцев определяются исходя из их текущих нужд; в семьях же с раздельными бюджетами, практически отсутствующими в массовых слоях населения, относительный вес членов семьи становится еще менее очевидным.

В-третьих, ряд вопросов посвящен тому, как учитывать гетерогенность доходного распределения, обусловленную неравенством, существующим между населенными пунктами разных типов и между регионами страны или неравенствами в разные периоды времени и т. д. Для современной России в этой связи особенно высокую значимость имеет региональная дифференциация, которая имела место в советской России позднего периода (Zaslavsky, 1982) и сохраняется сегодня

25. Преобразование на основе квадратичного корня (англ. — Square root scale).

(Овчарова, Попова, Рудберг, 2016). При этом массовых опросов, репрезентирующих население страны по регионам и доступных широкому кругу исследователей в России, очень мало[26]. Помимо региональных особенностей характер доходной стратификации в России, как и других стран БРИКС, также может в значительной степени варьироваться в зависимости от отраслевых и профессиональных неравенств (Akerman et al., 2013; Castellano, Manna, Punzo, 2016; Khakhulina, Tucek, 1996), поселенческих различий (Kuznets, 1955; O'Brien et al., 2007), религиозно-этнической (John, Mutatkar, 2005) и социально-демографической дифференциации (Goldthorpe, 2010).

Заключение

Итак, к настоящему моменту ни в зарубежной, ни в российской традиции не сложилось единого понимания того, как должна выглядеть шкала доходов при построении модели доходной стратификации в странах с индустриально развитой экономикой. Это связано во многом с тем, что исследователей, работающих со шкалами доходов, как правило, интересуют конкретные социальные группы (бедные, средний класс, верхние слои общества), а не общество в целом и его структура. Более того — среди ученых до сих пор нет единства даже в том, какой подход стоит использовать при выделении доходных групп. Несмотря на очевидные преимущества и завоевания относительного подхода при выделении отдельных доходных групп в индустриально развитых обществах, ряд зарубежных ученых, прежде всего имеющих отношение к Всемирному банку, до сих пор придерживаются абсолютного подхода. Абсолютного подхода придерживается в основном и ФСГС РФ, что затрудняет развитие относительного подхода к доходной стратификации в современной России. Российская специфика научных исследований в области экономической стратификации состоит в том, что авторы придерживаются в основном так называемого «проминимумного» подхода, предполагающего комбинацию абсолютного и относительного подходов.

Вместе с тем именно относительный подход (особенно в такой его версии, как медианный подход) хорошо зарекомендовал себя при изучении отдельных элементов доходной стратификации. В рамках медианного подхода по отдельным «порогам» на социальной шкале доходов достигнут даже хрупкий консенсус среди российских и зарубежных исследователей. Относительное единодушие касается прежде всего интервала 0,75–1,25 медианы, который позволяет выделить в индустриально развитых обществах средний класс «по доходам». Большинство же исследователей сходятся и во мнении, что доходы более 2 и менее 0,5 медианы представляют собой пороги, отсекающие полярные группы — верхи и низы — общества. При этом часть ученых предлагает дальнейшую дифференциацию этих

26. Например, стоит упомянуть Комплексное исследование условий жизни домохозяйств (КОУЖ), осуществленное ФСГС РФ в 2011, 2014 и 2016 гг., а также Выборочное обследование бюджетов домашних хозяйств (ОБДХ) органов государственной статистики РФ.

групп, в качестве критерия которой предлагается уровень в 0,25 и в 4 медианы. Что же касается доходного интервала в 1,25–2 медианы, то в отношении него наблюдаются наибольшие разногласия. Возможно, причиной их выступает то, что, если социологический смысл медианной группы абсолютно ясен — ее жизнь формирует типичный для соответствующего общества стандарт, некую «социетальную норму» (Townsend, 2013), — как ясен и социологический смысл «верхов» и «низов» общества, то жизнь группы с доходами на уровне 1,25–2 медианы (и ее дифференциация внутри себя на отдельные подгруппы) может различаться в разных странах очень значительно.

Литература

Абанокова К. Р., Локшин М. М. (2014). Влияние эффекта масштаба в потреблении домохозяйств на бедность в России // Экономический журнал Высшей школы экономики. Т. 18. № 4. С. 620–644.

Бобков В. Н. (2009). Каким быть региональному неравенству качества и уровня жизни? // Мир России. Т. 18. № 3. С. 61–84.

Бобков В. Н. (2012). 20 лет капиталистических трансформаций в России: влияние на уровень и качество жизни // Мир России. Т. 21. № 2. С. 3–26.

Богомолова Т. Ю. (2011). Экономическая мобильность населения России в пространстве «бедность-небедность»: траектории переходов в 1990-е и 2000-е гг. // SPERO. № 14. С. 41–56.

Богомолова Т. Ю., Тапилина В. С. (1997). Экономическая стратификация: объективное и субъективное измерения // Социологические исследования. № 9. С. 28–40.

Богомолова Т. Ю., Тапилина В. С. (2001). Экономическая стратификация населения России: динамический аспект // Социологические исследования. № 6. С. 32–43.

Богомолова Т. Ю., Тапилина В. С. (2006). Бедность в современной России: измерение и анализ // Социология: 4М. № 22. С. 90–113.

Всемирный банк. (2014). Доклад об экономике России 31: кризис доверия обнажает слабость экономики. М.: Всемирный банк.

Гордон Л. А. (2001). Бедность, благополучие, противоречивость: материальная дифференциация в 1990-е годы // Общественные науки и современность. № 3. С. 5–21.

Горшков М. К. (ред.). (2007). Свобода. Неравенство. Братство: социологический портрет современной России. М.: Российская газета.

Горшков М. К., Тихонова Н. Е. (ред.). (2014). Бедность и бедные в современной России. М.: Весь Мир.

Григорьев Л. М., Салмина А. А. (2013). «Структура» социального неравенства современного мира: проблемы измерения // Социологический журнал. № 3. С. 5–21.

Гришина Е. Е., Денисова И. А., Дормидонтова Ю. А., Казакова Ю. М., Ляшок В. Ю. (2016). Анализ причин и факторов неравенства заработных плат в России. М.: РАНХиГС.

Давыдова Н. М. (2003). Депривационный подход в оценках бедности // Социологические исследования. № 6. С. 88–96.

Давыдова Н. М., Седова Н. Н. (2004). Материально-имущественные характеристики и качество жизни богатых и бедных // Социологические исследования. № 3. С. 40–50.

Жеребин В. М., Романов А. Н. (2002). Уровень жизни населения. М.: ЮНИТИ-ДАНА.

Козырева П. М., Смирнов А. И. (2016). Социальная безопасность среднедоходных групп в России // Вестник Института социологии. № 19. С. 94–120.

Лукьянова А. Л. (2009). Чьи заработки растут быстрее: мобильность по относительным заработным платам в России (2000–2005 гг.) // Экономический журнал Высшей школы экономики. Т. 13. № 2. С. 217–242.

Лукьянова А. Л. (2013). Использование безусловных квантильных регрессий при оценке влияния неформальности на неравенство // Прикладная эконометрика. № 32 (4). С. 3-28.

Можина М. А. (2001). Распределительные отношения: доходы и потребление населения (из научного наследия). М.: Гайнуллин.

Овчарова Л. Н. (2009). Теоретические и практические подходы к оценке уровня, профиля и факторов бедности: российский и международный опыт. М: М-Студио.

Овчарова Л. Н. (2012). Теоретико-методологические вопросы определения и измерения бедности // SPERO. № 16. С. 15–38.

Овчарова Л. Н., Попова Д. О., Рудберг А. М. (2016). Декомпозиция факторов неравенства доходов в современной России // Журнал новой экономической ассоциации. № 3. С. 170–185.

Овчарова Л. Н., Бирюкова С. С., Селезнева Е. В., Абанокова К. Р. (2017). Доходы, расходы и социальное самочувствие населения России в 2012–2016 годах. Доклад на XVIII Апрельской междунарной научной конференции по проблемам развития экономики и общества (Москва, 11–14 апреля 2017 г.).

Овчарова Л. Н., Бурдяк А. Я., Пишняк А. И., Попова Д. О., Попова Р. И., Рудберг А. М. (2014). Динамика монетарных и немонетарных характеристик уровня жизни российских домохозяйств за годы постсоветского развития: аналитический доклад. М.: Либеральная миссия.

Римашевская Н. (1997). Население России и социальная трансформация: взгляд в XXI век // Власть. № 12. С. 24–31.

Росстат. (2015). Социальное положение и уровень жизни населения России. М.: Росстат.

Тапилина В. С., Ростовцев П. С., Богомолова Т. Ю. (2002). Влияние мобильности населения по доходам на изменение неравенства // Экономическая социология. Т. 3. № 1. С. 72–86.

Тихонова Н. Е. (1999). Феномен городской бедности в современной России. М.: Летний сад.

Тихонова Н. Е. (2013). Бедность в современной России: ключевые проблемы // *Мау В. А., Клячко Т. Л.* (ред.). Развитие человеческого капитала — новая социальная политика. М.: Дело. С. 297–317.

Тихонова Н. Е. (2014). Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф.

Тихонова Н. Е. (2017а). Стратификация по доходам в России на фоне других стран // Общественные науки и современность. № 3. С. 26–41.

Тихонова Н. Е. (2017б). Стратификация по доходу в России: специфика модели и вектор изменений // Общественные науки и современность. № 2. С. 23–35.

Тихонова Н. Е., Слободенюк Е. Д. (2014). Гетерогенность российской бедности через призму депривационного и абсолютного подходов // Общественные науки и современность. № 1. С. 36–49.

Хахулина Л. А., Тучек М. (1995). Распределение доходов: бедные и богатые в постсоциалистических обществах (некоторые результаты сравнительного анализа) // Мониторинг общественного мнения. № 1. С. 18–22.

Черныш М. Ф. (2014). Справедливость заработной платы в российском контексте // Социологические исследования. № 8. С. 78–89.

Шевяков А. Ю. (2010). Социальное неравенство: тормоз экономического и демографического роста // Уровень жизни населения регионов России. № 5. С. 38–52.

Шкаратан О. И. (2009). Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М.: ОЛМА Медиа Групп.

Ясинский А. (2014). Обзор методов и источников данных для измерения бедности в странах Содружества. Минск: Галатея.

Akerman A., Helpman E., Itskhoki O., Muendler M.-A., Redding S. (2013). Sources of Wage Inequality // American Economic Review. Vol. 103. № 3. P. 214–219.

Alesina A., Perotti R. (1996). Income Distribution, Political Instability, and Investment // European Economic Review. Vol. 40. № 6. P. 1203–1228.

Anikin V. A., Lezhnina Y. P., Mareeva S. V., Slobodenyuk E. D., Tikhonova N. N. (2016). Income Stratification: Key Approaches and Their Application to Russia. Higher School of Economics research paper № WP BRP 02/PSP/2016. Moscow: HSE.

Atkinson A. B., Brandolini A. (2013). On the Identification of the Middle Class // *Gornick J., Jäntti M.* (eds.). Income Inequality: Economic Disparities and the Middle Class in Affluent Countries. Stanford: Stanford University Press. P. 77–100.

Banerjee A. V., Duflo E. (2008). What is Middle Class about the Middle Classes around the World? // Journal of Economic Perspectives. Vol. 22. № 2. P. 3–41.

Barro R. J. (2000). Inequality and Growth in a Panel of Countries // Journal of Economic Growth. Vol. 5. № 1. P. 5–32.

Bellettini G., Ceroni C. B. (2007). Income Distribution, Borrowing Constraints and Redistributive Policies // European Economic Review. Vol. 51. № 3. P. 625–645.

Bhalla S. (2009). The Middle Class Kingdoms of India and China. Washington: Peterson Institute for International Economics.

Birdsall N., Graham C., Pettinato S. (2000). Stuck in Tunnel: Is Globalization Muddling the Middle? Center on Social and Economic Dynamics working paper № 14.

Blackburn M., Bloom D. E. (1985). What is Happening to the Middle Class? // American Demographics. Vol. 7. № 1. P. 18–25.

Breen R. (2005). Foundations of a Neo-Weberian Class Analysis // *Wright E. O.* (ed.). Approaches to Class Analysis. Cambridge: Cambridge University Press. P. 31–50.

Brzezinski M. (2011). Variance Estimation for Richness Measures. LIS working paper № 11.

Burkhauser R. V., Smeeding T. M., Merz J. (1996). Relative Inequality and Poverty in Germany and the United States Using Alternative Equivalence Scales // Review of Income and Wealth. Vol. 42. № 4. P. 381–400.

Cárdenas M., Kharas H., Henao C. (2011). Latin America's Global Middle Class. Research Paper. Washington: Brookings Institution.

Carroll C. D. (2002). Portfolios of the Rich // *Guiso L., Haliassos M., Jappelli T.* (eds.). Household Portfolios. Cambridge: MIT Press. P. 389–430.

Castellani F., Parent G. (2010). Social Mobility in Latin America. Paris: OECD Development Centre.

Castellano R., Manna R., Punzo G. (2016). Income Inequality between Overlapping and Stratification: A Longitudinal Analysis of Personal Earnings in France and Italy // International Review of Applied Economics. Vol. 30. № 5. P. 567–590.

Ceriani L., Verme P. (2014). The Income Lever and the Allocation of Aid // Journal of Development Studies. Vol. 50. № 11. P. 1510–1522.

Chauvel L. (2006). Les classes moyennes à la dérive. Paris: Seuil.

Chauvel L. (2013). Welfare Regimes, Cohorts and the Middle Classes // Gornick J., Jäntti M. (eds.). Income Inequality: Economic Disparities and the Middle Class in Affluent Countries. Stanford: Stanford University Press. P. 115–141.

Chen S., Ravallion M. (2013). More Relatively-Poor People in a Less Absolutely-Poor World // Review of income and wealth. Vol. 59. № 1. P. 1–28.

Cowell F. (2011). Measuring Inequality. Oxford: Oxford University Press.

Credit Suisse. (2015). Global Wealth Report. Switzerland: Institute C.S.R. URL: https://publications.credit-suisse.com/tasks/render/file/?fileID=F2425415-DCA7-80B8-EAD989AF9341D47E (дата доступа: 13.01.2018).

Dallinger U. (2013). The Endangered Middle Class? A Comparative Analysis of the Role Played by Income Redistribution // Journal of European Social Policy. Vol. 23. № 1. P. 83–101.

Dang H.-A. H., Ianchovichina E. (2016). Welfare Dynamics with Synthetic Panels: The Case of the Arab World in Transition. Policy research working paper WPS 7595. Washington: World Bank Group.

Danziger S., Gottischalk P., Smolensky E. (1989). How the Rich Have Fared, 1973–87 // American Economic Review. Vol. 79. № 2. P. 310–314.

Davis J. C., Huston J. H. (1992). The Shrinking Middle-Income Class: A Multivariate Analysis // Eastern Economic Journal. Vol. 18. № 3. P. 277–285.

Drewnowski J. (1978). The Affluence Line // Social Indicators Research. Vol. 5. № 1. P. 263–278.

Dynan K. E., Skinner J., Zeldes S. P. (2004). Do the Rich Save More? // Journal of Political Economy. Vol. 112. № 2. P. 397–444.

Easterly W. (2001). The Middle Class Consensus and Economic Development // Journal of Economic Growth. Vol. 6. № 4. P. 317–335.

Eisenhauer J. G. (2011). The Rich, the Poor, and the Middle Class: Thresholds and Intensity Indices // Research in Economics. Vol. 65. № 4. P. 294–304.

Erikson R., Goldthorpe J. H. (1992). The Constant Flux: A Study of Class Mobility in Industrial Societies. Oxford: Clarendon Press.

Esping-Andersen G. (1990). The Three Worlds of Welfare Capitalism. Cambridge: Polity Press.

Feenberg D. R., Poterba J. M. (2000). The Income and Tax Share of Very High-Income Households, 1960–1995 // American Economic Review. Vol. 90. № 2. P. 264–270.

Ferreira F. H., Messina J., Rigolini J., López-Calva L.-F., Lugo M. A., Vakis R., Ló L. F. (2013). Economic Mobility and the Rise of the Latin American Middle Class. Washington: World Bank.

Goldthorpe J. H. (2010). Analysing Social Inequality: A Critique of Two Recent Contributions from Economics and Epidemiology // European Sociological Review. Vol. 26. № 6. P. 731–744.

Goldthorpe J. H., McKnight A. (2006). The Economic Basis of Social Class // *Morgan S. L., Grusky D. B., Fields G. S.* (eds.). Mobility and Inequality: Frontiers of Research in Sociology and Economics. Stanford: Stanford University Press. P. 109–137.

Government of India Planning Commission. (2014). Report of the Expert Group to Review the Methodology for Measurement of Poverty. New Delhi: Government of India Planning Commission. URL: http://planningcommission.nic.in/reports/genrep/pov_repo707.pdf (дата доступа: 13.01.2018).

Grabka M. M., Frick J. R. (2008). The Shrinking German Middle Class: Signs of Long-Term Polarization in Disposable Income? // Weekly Report. Vol. 4. № 4. P. 21–27.

Grusky D. B. (2001). The Past, Present, and Future of Social Inequality // *Grusky D. B.* (ed.). Social Stratification: Class, Race, and Gender in Sociological Perspective. Boulder: Westview Press. P. 3–51.

Hall S. (2014). A Study of Poverty, Food Security and Resilience in Afghan Cities: Kabul. URL: http://samuelhall.org/wp-content/uploads/2014/11/DRC-PIN-Urban-Poverty-Report.pdf (дата доступа: 13.01.2018).

Hauser R., Becker I. (2002). Inequalities between Income and Wealth // *Glatzer W.* (ed.). Rich and Poor: Disparities, Perceptions, Concomitants. Dordrecht: Kluwer. P. 33–43.

John R. M., Mutatkar R. (2005). Statewise Estimates of Poverty among Religious Groups in India // Economic and Political Weekly. Vol. 40. № 13. P. 1337–1345.

Kangas O. (2001). For Better or for Worse: Economic Positions of the Rich and the Poor: 1985–1995. LIS working paper № 248. URL: https://www.econstor.eu/bitstream/10419/160920/1/lis-wps-248.pdf (дата доступа: 13.01.2018).

Khakhulina L. A., Tucek M. (1996). Income Distribution: The Poor and the Rich in Post-socialist Societies (Some Results of a Comparative Analysis) // Sociological Research. Vol. 35. P. 20–32.

Kharas H. (2010). The Emerging Middle Class in Developing Countries. OECD Development Centre working paper № 285. Paris: OECD.

Kuznets S. (1955). Economic Growth and Income Inequality // American Economic Review. Vol. 45. № 1. P. 1–28.

Lenski G. (1984). Income Stratification in the United States: Toward a Revised Model of the System // Research in Social Stratification and Mobility. Vol. 3. P. 173–205.

Levine S., Roberts B. (2008). A Review of Poverty and Inequality in Namibia. Windhoek: Central Bureau of Statistics N. P. C. URL: http://www.mof.gov.na/documents/27827/169990/Analysis_of_2003_04_NHIE_data.pdf/76807c4c-5d55-41cd-893a-49e980d72aa0 (дата доступа: 13.01.2018).

Liu Y., Grusky D. B. (2013). The Payoff to Skill in the Third Industrial Revolution // American Journal of Sociology. Vol. 118. № 5. P. 1330–1374.

Lopez-Calva L. F., Ortiz-Juarez E. (2014). A Vulnerability Approach to the Definition of the Middle Class // Journal of Economic Inequality. Vol. 12. № 1. P. 23–47.

Medeiros M. (2006). The Rich and the Poor: The Construction of an Affluence Line from the Poverty Line // Social Indicators Research. Vol. 78. № 1. P. 1–18.

Milanovic B., Yitzhaki S. (2002). Decomposing World Income Distribution: Does the World Have a Middle Class? // Review of Income and Wealth. Vol. 48. № 2. P. 155–178.

Montalvo J. G., Ravallion M. (2010). The Pattern of Growth and Poverty Reduction in China. // Journal of Comparative Economics. Vol. 38. № 1. P. 2–16.

O'Brien D. J., Wegren S. K., Patsiorkovsky V. V. (2007). Income Stratification in Russian Villages from Profession to Property // Problems of Post-communism. Vol. 54. № 1. P. 37–46.

Parsons T. (1940). An Analytical Approach to the Theory of Social Stratification // American Journal of Sociology. Vol. 45. № 6. P. 841–862.

Partridge M. D. (1997). Is Inequality Harmful for Growth? Comment // American Economic Review. Vol. 87. № 5. P. 1019–1032.

Peichl A., Pestel N. (2013). Multidimensional Affluence: Theory and Applications to Germany and the Us // Applied Economics. Vol. 45. № 32. P. 4591–4601.

Peichl A., Schaefer T., Scheicher C. (2010). Measuring Richness and Poverty: A Micro Data Application to Europe and Germany // Review of Income and Wealth. Vol. 56. № 3. P. 597–619.

Pressman S. (2007). The Decline of the Middle Class: An International Perspective // Journal of Economic Issues. Vol. 41. № 1. P. 181–200.

Pressman S., Scott R. H. (2009). Who Are the Debt Poor? // Journal of Economic Issues. Vol. 43. № 2. P. 423–432.

Rank M. R., Hirschl T. A. (2001). Poverty across the Life Cycle: Evidence from the PSID // Journal of Policy Analysis and Management. Vol. 20. № 4. P. 737–755.

Ravallion M. (2010). The Developing World's Bulging (but Vulnerable) Middle Class // World Development. Vol. 38. № 4. P. 445–454.

Ravallion M. (2011). A Comparative Perspective on Poverty Reduction in Brazil, China, and India // World Bank Research Observer. Vol. 26. № 1. P. 71–104.

Ravallion M. (2016). The Economics of Poverty: History, Measurement, and Policy. New York: Oxford University Press.

Rose S. J. (2016). The Growing Size and Incomes of the Upper Middle Class. Urban Institute research report. URL: http://www.urban.org/sites/default/files/alfresco/publication-pdfs/2000819-The-Growing-Size-and-Incomes-of-the-Upper-Middle-Class.pdf (дата доступа: 13.01.2018).

Rytina J. H., Form W. H., Pease J. (1970). Income and Stratification Ideology: Beliefs About the American Opportunity Structure // American Journal of Sociology. Vol. 75. № 4. P. 703–716.

Sen A. (1992). Inequality Reexamined. Oxford: Clarendon Press.

Simmel G. (1898). The Persistence of Social Groups // American Journal of Sociology. Vol. 3. № 5. P. 662–698.

Smeeding T. (2006). Poor People in Rich Nations: The United States in Comparative Perspective // Journal of Economic Perspectives. Vol. 20. № 1. P. 69–90.

Solimano A. S. (2008). The Middle Class and the Development Process. Santiago: CEPAL.

Thurow L. C. (1987). A Surge in Inequality // Scientific American. Vol. 256. № 5. P. 30.

Townsend P. (1979). Poverty in the United Kingdom: A Survey of Household Resources and Standards of Living. Berkely: University of California Press.

Townsend P. (2013). International Analysis of Poverty. New York: Routledge.

Treiman D. J. (1977). Occupational Prestige in Comparative Perspective. New York: Academic Press.

Vakis R., Jamele R., Lucchetti L. (2016). Left Behind: Chronic Poverty in Latin America and the Caribbean. Washington: World Bank.

Weeden K. A., Grusky D. B. (2005) The Case for a New Class Map // American Journal of Sociology. Vol. 111. № 1. P. 141–212.

Wegren S. K., Patsiorkovski V. V., O'Brien D. J. (2006). Beyond Stratification: The Emerging Class Structure in Rural Russia // Journal of Agrarian Change. Vol. 6. № 3. P. 372–399.

Weicher J. C. (1997). The Rich and the Poor: Demographics of the Us Wealth Distribution // Federal Reserve Bank of St. Louis Review. July/August. P. 25–37.

Wodtke G. T. (2016). Social Class and Income Inequality in the United States: Ownership, Authority, and Personal Income Distribution from 1980 to 2010 // American Journal of Sociology. Vol. 121. № 5. P. 1375–1415.

Wolff E. N. (2010). Recent Trends in Household Wealth in the United States: Rising Debt and the Middle-Class Squeeze — an Update to 2007. LEI working paper № 589.

World Bank. (2015). Russia Economic Report 33: The Dawn of a New Economic Era? Washington: World Bank Group.

Wright E. O. (1989). A General Framework for the Analysis of Class Structure // *Wright E. O. et al.* The Debate on Classes. New York: Verso. P. 269–348.

Wright E. O. (1997). Class Counts: Comparative Studies in Class Analysis. Cambridge: Cambridge University Press.

Wright E. O. (2005). Foundations of a Neo-Marxist Class Analysis // Wright E. O. (ed.). Approaches to Class Analysis. Cambridge: Cambridge University Press. P. 4–30.

Yitzhaki S., Lerman R. I. (1991). Income Stratification and Income Inequality // Review of income and wealth. Vol. 37. № 3. P. 313–329.
Zaslavsky V. (1982). The Neo-Stalinist State. Armonk: M. E. Sharpe.

Income Stratification: Putting a Spotlight on the Boundaries

Vasiliy A. Anikin
PhD, Associate Professor, Senior Research Fellow, National Research University Higher School of Economics
Senior Research Fellow, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences
Address: Address: Myasnitskaya str., 20, Moscow, Russian Federation 101000
E-mail: vanikin@hse.ru

Yulia Lezhnina
PhD, Associate Professor, National Research University Higher School of Economics
Senior Research Fellow, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences
Address: Myasnitskaya str., 20, Moscow, Russian Federation 101000
E-mail: jlezhnina@hse.ru

The paper aims to deliver an extended review of both Russian and international studies that have contributed considerably to the income stratification discourse. The very importance of the given research is justified by the lack of systematic studies in the field of the one-dimensional stratification of the Russian society, although applied socio-economic research uses broadly one-dimensional classifications based on income. The given paper considers and systemizes the results of income groups classifications developed both within the absolute and relative approaches. At the present time, neither international nor Russian studies propose a conventional view on the boundaries between income groups while at the same time developing a model of income stratification applicable to industrially-advanced societies. The main reason is that researchers dealing with income scales are normally focused on specific social groups such as the poor, the middle class, the affluent, and the rich rather than the whole society and its structure. Furthermore, we have shown that sociological papers are more likely to support the relative approach, and particularly a median approach. Researchers have even reached a fragile consensus regarding some of the boundaries of this scale, that is, they seem to agree that the interval of 0,75–1,25 of median incomes allows for the determination of the economic middle class for industrially advanced societies. The majority of scholars are in agreement that incomes exceeding the 2 and below the 0,5 medians represent the boundaries that distinguish opposing social groups, that is, the top and bottom of a society, correspondingly. The present study has a multidisciplinary focus so that it might be of interest to sociologists, economists, demographers, and applied statisticians.

Keywords: income stratification, income inequality, relative approach, median, middle class, poor, affluence line, rich

References

Abanokova K., Lokshin M. (2014) Ukrupnenie razmera kak mehanizm adaptacii domohozjajstv k krizisu [Growing Size of a Household as a Mechanism of Adaptation to Crises]. *HSE Economic Journal*, vol. 18, no 4, pp. 620–644.
Akerman A., Helpman E., Itskhoki O., Muendler M.-A., Redding S. (2013) Sources of Wage Inequality. *American Economic Review*, vol. 103, no 3, pp. 214–219.
Alesina A., Perotti R. (1996) Income Distribution, Political Instability, and Investment. *European Economic Review*, vol. 40, no 6, pp. 1203–1228.

Anikin V. A., Lezhnina Y. P., Mareeva S. V., Slobodenyuk E. D., Tikhonova N. N. (2016). Income Stratification: Key Approaches and Their Application to Russia. HSE research paper No WP BRP 02/PSP/2016. Moscow: HSE.
Atkinson A. B., Brandolini A. (2013) On the Identification of the Middle Class. *Income Inequality: Economic Disparities and the Middle Class in Affluent Countries* (eds. J. Gornick, M. Jäntti), Stanford: Stanford University Press, pp. 77–100.
Banerjee A. V., Duflo E. (2008) What Is Middle Class About the Middle Classes around the World? *Journal of Economic Perspectives*, vol. 22, no 2, pp. 3–41.
Barro R. J. (2000) Inequality and Growth in a Panel of Countries. *Journal of Economic Growth*, vol. 5, no 1, pp. 5–32.
Bellettini G., Ceroni C. B. (2007) Income Distribution, Borrowing Constraints and Redistributive Policies. *European Economic Review*, vol. 51, no 3, pp. 625–645.
Bhalla S. (2009) *The Middle Class Kingdoms of India and China*, Washington: Peterson Institute for International Economics.
Birdsall N., Graham C., Pettinato S. (2000) Stuck in Tunnel: Is Globalization Muddling the Middle? Center on Social and Economic Dynamics working paper No 14.
Blackburn M., Bloom D. E. (1985) What is Happening to the Middle Class? *American Demographics*, vol. 7, no 1, pp. 18–25.
Bobkov V. (2009) Kakim byt' regional'nomu neravenstvu kachestva i urovnya zhizni? [What is Regional Inequality of Life Quality and Standard of Living?]. *Mir Rossii*, vol. 18, no 3, pp. 61–84.
Bobkov V. (2012) 20 let kapitalisticheskikh transformatsiy v Rossii: vliyaniye na uroven' i kachestvo zhizni [20 Years of Capitalistic Transformations in Russia: Their Impact on Standard of Living and Life Quality]. *Mir Rossii*, vol. 21, no 2, pp. 3–26.
Bogomolova T. (2011). Ekonomicheskaya mobil'nost' naseleniya Rossii v prostranstve "bednost'-nebednost'": trayektorii perekhodov v 1990-ye i 2000-ye gg [Economic Mobility of the Popualtiona of Russia in the Scope Poverty-Non-poverty: Transitions Trends between the 1990s and 2000s]. *SPERO*, vol 14, pp. 41–56.
Bogomolova T., Tapilina V. (1997) Ekonomicheskaya stratifikatsiya: ob'yektivnoye i sub'yektivnoye izmereniye [Economic Stratification: Objective and Subjective Dimensions]. *Sociological Studies*, no 9, pp. 28–40.
Bogomolova T., Tapilina V. (2001) Ekonomicheskaya stratifikatsiya naseleniya Rossii: dinamicheskiy aspekt [Economic Stratification of the Russian Population: Dynamics]. *Sociological Studies*, no 6, pp. 32–43.
Bogomolova T., Tapilina V. (2006) Bednost' v sovremennoy Rossii: izmereniye i analiz [Poverty in Contemporary Russia: Measurement and Analysis]. *Sociology 4M*, vol. 22, pp. 90–113.
Breen R. (2005) Foundations of a Neo-Weberian Class Analysis. *Approaches to Class Analysis* (ed. E. O. Wright), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 31–50.
Brzezinski M. (2011) Variance Estimation for Richness Measures. LIS working paper No 11.
Burkhauser R. V., Smeeding T. M., Merz J. (1996) Relative Inequality and Poverty in Germany and the United States Using Alternative Equivalence Scales. *Review of Income and Wealth*, vol. 42, no 4, pp. 381–400.
Cárdenas M., Kharas H., Henao C. (2011) Latin America's Global Middle Class. Research paper. Washington: Brookings Institution.
Carroll C. D. (2002) Portfolios of the Rich. *Household Portfolios* (eds. L. Guiso, M. Haliassos, T. Jappelli), Cambridge: MIT Press, pp. 389–430.
Castellani F., Parent G. (2010) *Social Mobility in Latin America*, Paris: OECD Development Centre.
Castellano R., Manna R., Punzo G. (2016) Income Inequality between Overlapping and Stratification: A Longitudinal Analysis of Personal Earnings in France and Italy. *International Review of Applied Economics*, vol. 30, no 5, pp. 567–590.
Ceriani L., Verme P. (2014) The Income Lever and the Allocation of Aid. *Journal of Development Studies*, vol. 50, no 11, pp. 1510–1522.
Chauvel L. (2006) *Les classes moyennes à la dérive*, Paris: Seuil.
Chauvel L. (2013) Welfare Regimes, Cohorts and the Middle Classes. *Income Inequality: Economic Disparities and the Middle Class in Affluent Countries* (eds. J. Gornick, M. Jäntti), Stanford: Stanford University Press, pp. 115–141.

Chen S., Ravallion M. (2013) More Relatively-Poor People in a Less Absolutely-Poor World. *Review of Income and Wealth*, vol. 59, no 1, pp. 1–28.
Chernysh M. F. (2014) Spravedlivost' zarabotnoy platy v rossiyskom kontekste [Equity of Earnings in Russia]. *Sociological Studies*, no 8, pp. 78–89.
Cowell F. (2011) *Measuring Inequality*, Oxford: Oxford University Press.
Credit Suisse (2015) Global Wealth Report. Available at: https://publications.credit-suisse.com/tasks/render/file/?fileID=F2425415-DCA7-80B8-EAD989AF9341D47E (accessed 31 January 2018).
Dallinger U. (2013) The Endangered Middle Class? A Comparative Analysis of the Role Played by Income Redistribution. Journal of European Social Policy, vol. 23, no 1, pp. 83–101.
Dang H.-A. H., Ianchovichina E. (2016) Welfare Dynamics with Synthetic Panels: The Case of the Arab World in Transition. Policy research working paper WPS 7595. Washington: World Bank Group.
Danziger S., Gottischalk P., Smolensky E. (1989) How the Rich Have Fared, 1973–87. *American Economic Review*, vol. 79, no 2, pp. 310–314.
Davis J. C., Huston J. H. (1992) The Shrinking Middle-Income Class: A Multivariate Analysis. *Eastern Economic Journal*, vol. 18, no 3, pp. 277–285.
Davydova N. (2003) Deprivatsionnyy podkhod v otsenkakh bednosti [Deprivation-Based Approach in Poverty Studies]. *Sociological Studies*, no 6, pp. 88–96.
Davydova N., Sedova N. (2004) Material'no-imushchestvennyye kharakteristiki i kachestvo zhizni bogatykh i bednykh [Wealth and Life Quality of Rich and Poor]. *Sociological Studies*, no 3, pp. 40–50.
Drewnowski J. (1978) The Affluence Line. *Social Indicators Research*, vol. 5, no 1, pp. 263–278.
Dynan K. E., Skinner J., Zeldes S. P. (2004) Do the Rich Save More? *Journal of Political Economy*, vol. 112, no 2, pp. 397–444.
Easterly W. (2001) The Middle Class Consensus and Economic Development. *Journal of Economic Growth*, vol. 6, no 4, pp. 317–335.
Eisenhauer J. G. (2011) The Rich, the Poor, and the Middle Class: Thresholds and Intensity Indices. *Research in Economics*, vol. 65, no 4, pp. 294–304.
Erikson R., Goldthorpe J. H. (1992) *The Constant Flux: A Study of Class Mobility in Industrial Societies*, Oxford: Clarendon Press.
Esping-Andersen G. (1990) *The Three Worlds of Welfare Capitalism*, Cambridge: Polity Press.
Feenberg D. R., Poterba J. M. (2000) The Income and Tax Share of Very High-Income Households, 1960–1995. *American Economic Review*, vol. 90, no 2, pp. 264–270.
Ferreira F. H., Messina J., Rigolini J., López-Calva L.-F., Lugo M. A., Vakis R., Ló L. F. (2013) *Economic Mobility and the Rise of the Latin American Middle Class*, Washington: World Bank.
Goldthorpe J. H. (2010) Analysing Social Inequality: A Critique of Two Recent Contributions from Economics and Epidemiology. *European Sociological Review*, vol. 26, no 6, pp. 731–744.
Goldthorpe J. H., McKnight A. (2006) The Economic Basis of Social Class. *Mobility and Inequality: Frontiers of Research in Sociology and Economics* (eds. S. L. Morgan, D. B. Grusky, G. S. Fields), California: Stanford University Press, pp. 109–137.
Gordon L. A. (2001) Bednost', blagopoluchiye, protivorechivost': material'naya differentsiatsiya v 1990-ye gody [Poverty, Affluence, Contradiction: Wealth Differentiation]. *Social Sciences and Contemporary World*, no 3, pp. 5–21.
Gorshkov M. (ed.) (2007) *Svoboda, neravenstvo, bratstvo: sotsiologicheskiy portret sovremennoy Rossii* [Liberty, Inequality, Fraternity: Sociological Profile of the Contemporary Russia], Moscow: Rossiyskaya gazeta.
Gorshkov M., Tikhonova N. (eds.) (2014) *Bednost' i bednyye v sovremennoy Rossii* [Poverty and Poor in Contemporary Russia], Moscow: Ves Mir.
Government of India Planning Commission (2014) Report of the Expert Group to Review the Methodology for Measurement of Poverty. Availabe at: http://planningcommission.nic.in/reports/genrep/pov_repo707.pdf (accessed 31 January 2018).
Grabka M. M., Frick J. R. (2008) The Shrinking German Middle Class: Signs of Long-Term Polarization in Disposable Income? *Weekly Report*, vol. 4, no 4, pp. 21–27.
Grigoriev L., Salmina A. (2013) "Struktura" sotsial'nogo neravenstva sovremennogo mira: problemy izmereniya [The "Structure" of Social Inequality of the Contemporary World: Measurement Issues]. *Journal of Sociology*, no 3, pp. 5–21.

Grishina E., Denisova I., Dormidontova Y., Kazakova Y., Lyashok V. (2016) *Analiz prichin i faktorov neravenstva zarabotnykh plat v Rossii* [Study on the Causes and Factors of Wages Inequality in Russia], Moscow: Delo.
Grusky D. B. (2001) The Past, Present, and Future of Social Inequality. *Social Stratification: Class, Race, and Gender in Sociological Perspective* (ed. D. B. Grusky), Boulder: Westview Press, pp. 3–51.
Hall S. (2014) A Study of Poverty, Food Security and Resilience in Afghan Cities. Available at: http://samuelhall.org/wp-content/uploads/2014/11/DRC-PIN-Urban-Poverty-Report.pdf (accessed 31 January 2018).
Hauser R., Becker I. (2002) Inequalities between Income and Wealth. *Rich and Poor: Disparities, Perceptions, Concomitants* (ed. W. Glatzer), Dordrecht: Kluwer, pp. 33–43.
John R. M., Mutatkar R. (2005) Statewise Estimates of Poverty among Religious Groups in India. *Economic and Political Weekly*, vol. 40, no 13, pp. 1337–1345.
Kangas O. (2001) For Better or for Worse: Economic Positions of the Rich and the Poor: 1985–1995. LIS working paper No 248. Available at: https://www.econstor.eu/bitstream/10419/160920/1/lis-wps-248.pdf (accessed 31 January 2018).
Khakhulina L., Tucek M. (1996) Raspredelenie dohodov: bednye i bogatye v postsocialisticheskih obshhestvah (nekotorye rezul'taty sravnitel'nogo analiza) [Income Distribution: The Poor and the Rich in Postsocialist Societies (Some Results of a Comparative Analysis)]. *Monitoring of Public Opinion*, no 1, pp. 18–22.
Kharas H. (2010) The Emerging Middle Class in Developing Countries. OECD Development Centre working paper No 285, Paris: OECD.
Kozyreva P., Smirnov A. (2016) Social Security for Groups of Russians with Average Income. *Bulletin of the Institute of Sociology*, no 19, pp. 94–120.
Kuznets S. (1955) Economic Growth and Income Inequality. *American Economic Review*, vol. 45, no 1, pp. 1–28.
Lenski G. (1984) Income Stratification in the United States: Toward a Revised Model of the System. *Research in Social Stratification and Mobility*, vol. 3, pp. 173–205.
Levine S., Roberts B. (2008) A Review of Poverty and Inequality in Namibia. Available at: http://www.mof.gov.na/documents/27827/169990/Analysis_of_2003_04_NHIE_data.pdf/76807c4c-5d55-41cd-893a-49e980d72aa0 (accessed 31 January 2018).
Liu Y., Grusky D. B. (2013) The Payoff to Skill in the Third Industrial Revolution. *American Journal of Sociology*, vol. 118, no 5, pp. 1330–1374.
Lopez-Calva L. F., Ortiz-Juarez E. (2014) A Vulnerability Approach to the Definition of the Middle Class. *Journal of Economic Inequality*, vol. 12, no 1, pp. 23–47.
Lukiyanova A. (2009) Ch'i zarabotki rastut bystreye: mobil'nost' po otnositel'nym zarabotnym platam v Rossii (2000–2005 gg.) [Whose Earnings are Growing Faster: Mobility Regarding Relative Wages in Russia (2000–2005)]. *HSE Economic Journal*, vol. 13, no 2, pp. 217–242.
Lukiyanova A. (2013) Ispol'zovaniye bezuslovnykh kvantil'nykh regressiy pri otsenke vliyaniya neformal'nosti na neravenstvo [The Impact of Informality on Earnings Inequality: Unconditional Quantile Regressions]. *Applied Econometrics*, no 4, pp. 3–28.
Medeiros M. (2006) The Rich and the Poor: The Construction of an Affluence Line from the Poverty Line. *Social Indicators Research*, vol. 78, no 1, pp. 1–18.
Milanovic B., Yitzhaki S. (2002) Decomposing World Income Distribution: Does the World Have a Middle Class? *Review of Income and Wealth*, vol. 48, no 2, pp. 155–178.
Mozhina M. (2001) Raspredelitel'nyye otnosheniya: dokhody i potrebleniye naseleniya (iz nauchnogo naslediya) [Distributional Relations: Incomes and Consumption of the Population], Moscow: Gaynullin.
Montalvo J. G., Ravallion M. (2010) The Pattern of Growth and Poverty Reduction in China. *Journal of Comparative Economics*, vol. 38, no 1, pp. 2–16.
O'Brien D. J., Wegren S. K., Patsiorkovsky V. V. (2007) Income Stratification in Russian Villages from Profession to Property. *Problems of Post-communism*, vol. 54, no 1, pp. 37–46.
Ovcharova L. (2009) *Teoreticheskiye i prakticheskiye podkhody k otsenke urovnya, profilya i faktorov: rossiyskiy i mezhdunarodnyy opyt* [Theoretical and Applied Approaches to the Measurement of the Level, Profile, and Causes of Poverty: Russian and International Studies], Moscow: M-Studio.

Ovcharova L. (2012). Teoretiko-metodologicheskiye voprosy opredeleniya i izmereniya bednosti [Theoretical and Methodological Issues of Poverty Detection and Measurement]. *SPERO*, no 16, pp. 15–38.
Ovcharova L., Popova D., Rudberg A. (2016) Dekompozitsiya faktorov neravenstva dokhodov v sovremennoy Rossii [Decomposition of Causes of Income Inequality in Contemporary Russia]. *Journal of the New Economic Association*, vol. 3, no 31, pp. 170–185.
Ovcharova L., Biryukova S., Selezneva E., Abanokova K. (2017) Dokhody, raskhody i sotsial'noye samochuvstviye naseleniya Rossii v 2012–2016 godakh [Incomes, Expenses and Social Health of the Population of Russia in 2012–2016]. Paper presented at XVIII April International Academic Conference On Economic and Social Development (Moscow, April 11–14, 2017).
Ovcharova L., Burdyak A., Pishnyak A., Popova D., Popova R., Rudberg A. (2014) *Dinamika monetarnykh i nemonetarnykh kharakteristik urovnya zhizni rossiyskikh domokhozyaystv za gody postsovetskogo razvitiya: analiticheskiy doklad* [Dynamics of Monetary and Non-monetary Characteristics of the Living Standards of Russian Households during the Years of Post-Soviet Development: Analytical Report], Moscow: Liberal mission.
Parsons T. (1940) An Analytical Approach to the Theory of Social Stratification. *American Journal of Sociology*, vol. 45, no 6, pp. 841–862.
Partridge M. D. (1997) Is Inequality Harmful for Growth? Comment. *American Economic Review*, vol. 87, no 5, pp. 1019–1032.
Peichl A., Pestel N. (2013) Multidimensional Affluence: Theory and Applications to Germany and the Us. *Applied Economics*, vol. 45, no 32, pp. 4591–4601.
Peichl A., Schaefer T., Scheicher C. (2010) Measuring Richness and Poverty: A Micro Data Application to Europe and Germany. *Review of Income and Wealth*, vol. 56, no 3, pp. 597–619.
Pressman S. (2007) The Decline of the Middle Class: An International Perspective. *Journal of Economic Issues*, vol. 41, no 1, pp. 181–200.
Pressman S., Scott R. H. (2009) Who are the Debt Poor? *Journal of Economic Issues*, vol. 43, no 2, pp. 423–432.
Rank M. R., Hirschl T. A. (2001) Poverty across the Life Cycle: Evidence from the Psid. *Journal of Policy Analysis and Management*, vol. 20, no 4, pp. 737–755.
Ravallion M. (2010) The Developing World's Bulging (but Vulnerable) Middle Class. *World Development*, vol. 38, no 4, pp. 445–454.
Ravallion M. (2011) A Comparative Perspective on Poverty Reduction in Brazil, China, and India. *World Bank Research Observer*, vol. 26, no 1, pp. 71–104.
Ravallion M. (2016) *The Economics of Poverty: History, Measurement, and Policy*, New York: Oxford University Press.
Rimashevskaya N. (1997) Naseleniye Rossii i sotsial'naya transformatsiya: vzglyad v XXI vek [Russia's Population and Social Transformation: A Look into the 21st Century]. *Vlast*, no 12, pp. 24–31.
Rose S. J. (2016) The Growing Size and Incomes of the Upper Middle Class. Urban Institute research report. Available at: http://www.urban.org/sites/default/files/alfresco/publication-pdfs/2000819-The-Growing-Size-and-Incomes-of-the-Upper-Middle-Class.pdf (accessed 31 January 2018).
Rosstat (2015) *Sotsial'noye polozheniye i uroven' zhizni naseleniya Rossii* [Social Profile and Living Standards of the Population of Russia], Moscow: Rosstat.
Rytina J. H., Form W. H., Pease J. (1970) Income and Stratification Ideology: Beliefs About the American Opportunity Structure. *American Journal of Sociology*, vol. 75, no 4, pp. 703–716.
Sen A. (1992) *Inequality Reexamined*, Oxford: Clarendon Press.
Shevyakov A. (2010) Sotsial'noye neravenstvo: tormoz ekonomicheskogo i demograficheskogo rosta [Social Inequality: An Obstacle to Achieving Economic and Demographic Growth]. *Uroven zhizni naseleniya regionov Rossii*, no 5, pp. 38–52.
Simmel G. (1898) The Persistence of Social Groups. *American Journal of Sociology*, vol. 3, no 5, pp. 662–698.
Smeeding T. (2006) Poor People in Rich Nations: The United States in Comparative Perspective. *Journal of Economic Perspectives*, vol. 20, no 1, pp. 69–90.
Solimano A. S. (2008) *The Middle Class and the Development Process*, Santiago: CEPAL.
Tapilina V., Rostovtsev P., Bogomolova T. (2002) Vliyaniye mobil'nosti naseleniya po dokhodam na izmeneniye neravenstva [Influence of Population Mobility by Incomes on Inequality Changes]. *Journal of Economic Sociology*, vol. 3, no 1, pp. 72–86.

Tikhonova N. (1999) *Fenomen gorodskoj bednosti v sovremennoj Rossii* [Urban Poverty in Contemporary Russia], Moscow: Letniy sad.
Tikhonova N. (2013) Bednost' v sovremennoy Rossii: osnovnyye problemy [Poverty in Contemporary Russia: The Main issues]. *Razvitiye chelovecheskogo kapitala — novaya sotsial'naya politika* [Human Capital Development is a New Social Policy] (eds. V. Mau, T. Kliatchko), Moscow: Delo, pp. 297–317.
Tikhonova N. (2014) *Sotsial'naya struktura Rossii: teorii i real'nost'* [Social Structure of Russia: Theory and Reality], Moscow: Novyj khronograf.
Tikhonova N. (2017) Stratifikatsiya po dokhodam v Rossii na fone drugikh stran [Income Stratification in Russia in Comparison with Other Countries]. *Social Sciences and Contemporary World*, no 3, pp. 26–41.
Tikhonova N. (2017) Stratifikatsiya po dokhodu v Rossii: spetsifika modeli i vektor izmeneniy [Income Stratification in Russia: The Model's Specificity and the Vector of Changes]. *Social Sciences and Contemporary World*, no 2, pp. 23–35.
Tikhonova N., Slobodenyuk E. (2014) Geterogennost' rossiyskoy bednosti cherez prizmu deprivatsionnogo i absolyutnogo podkhodov [Heterogeneity of the Russian Poverty through the Lens of Deprivation-Based and Absolute Approaches]. *Social Sciences and Contemporary World*, no 1, pp. 36–49.
Thurow L. C. (1987) A Surge in Inequality. *Scientific American*, vol. 256, no 5, pp. 30.
Townsend P. (1979) *Poverty in the United Kingdom: A Survey of Household Resources and Standards of Living*, Berkely: University of California Press.
Townsend P. (2013) *International Analysis of Poverty*, New York: Routledge.
Treiman D. J. (1977) *Occupational Prestige in Comparative Perspective*, New York: Academic Press.
Vakis R., Jamele R., Lucchetti L. (2016) *Left Behind: Chronic Poverty in Latin America and the Caribbean*, Washington: World Bank.
Weeden K. A., Grusky D. B. (2005) The Case for a New Class Map. *American Journal of Sociology*, vol. 111, no 1, pp. 141–212.
Wegren S. K., Patsiorkovski V. V., O'Brien D. J. (2006) Beyond Stratification: The Emerging Class Structure in Rural Russia. *Journal of Agrarian Change*, vol. 6, no 3, pp. 372–399.
Weicher J. C. (1997) The Rich and the Poor: Demographics of the US Wealth Distribution. *Federal Reserve Bank of St. Louis Review*, July/August, pp. 25–37.
Wodtke G. T. (2016) Social Class and Income Inequality in the United States: Ownership, Authority, and Personal Income Distribution from 1980 to 2010. *American Journal of Sociology*, vol. 121, no 5, pp. 1375–1415.
Wolff E. N. (2010) Recent Trends in Household Wealth in the United States: Rising Debt and the Middle-Class Squeeze — an Update to 2007. LEI working paper No 589.
World Bank (2014) *Doklad ob ekonomike Rossii 31: krizis doveriya obnazhayet slabost' ekonomiki* [Russia Economic Report 31: Crisis of Trust Reveals a Weakness of the Economy], Moscow: World Bank.
World Bank (2015) *Russia Economic Report 33: The Dawn of a New Economic Era?* Washington: World Bank Group.
Wright E. O. (1989) A General Framework for the Analysis of Class Structure. *The Debate on Classes*, New York: Verso, pp. 269–348.
Wright E. O. (1997) *Class Counts: Comparative Studies in Class Analysis*, Cambridge: Cambridge University Press.
Wright E. O. (2005) Foundations of a Neo-Marxist Class Analysis. *Approaches to Class Analysis* (ed. E. O. Wright), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 4–30.
Yasinsky A. (2014) *Obzor metodov i istochnikov dannykh dlya izmereniya bednosti v stranakh sodruzhestva* [A Review of Methods and Data Sources for Measuring Poverty in CIS], Minsk: Galateya.
Yitzhaki S., Lerman R. I. (1991) Income Stratification and Income Inequality. *Review of Income and Wealth*, vol. 37, no 3, pp. 313–329.
Zaslavsky V. (1982) *The Neo-Stalinist State*, Armonk: M. E. Sharpe.
Zherebin V., Romanov A. (2002) *Uroven' zhizni naseleniya* [Standards of Living], Moscow: YUNITI-DANA.